

ДЖЕК МАРС

ЦЕЛЬ

ЗЕРО

ШПИОНСКИЙ ТРИЛЛЕР ИЗ СЕРИИ ОБ АГЕНТЕ ЗЕРО—КНИГА 2

Шпионский триллер из серии об агенте Зеро

Джек Марс

Цель Зеро

«Lukeman Literary Management Ltd»

Марс Д.

Цель Зеро / Д. Марс — «Lukeman Literary Management Ltd»,
— (Шпионский триллер из серии об агенте Зеро)

Один из лучших триллеров за этот год, – издание Books and Movie Reviews (о книге Все средства хороши) . Следом за книгой № 1 (АГЕНТ ЗЕРО) шпионской серии о Кенте Стиве, ЦЕЛЬ ЗЕРО (книга №2) переносит нас к новой, насыщенной событиями поездке по Европе спецарента ЦРУ Кента Стива. Все еще борясь с пробелами в памяти, он стремится остановить запуск биологического оружия, способного стереть с лица Земли весь мир. Жизнь Кента только начинает возвращаться в русло, когда ЦРУ снова вызывает его выследить террористов и остановить очередной международный кризис. В этот раз все намного опаснее. Имея за спиной охотящегося за ним киллера, заговоры внутри Управления, кротов повсюду и любовницу, которой он едва может доверять, Кент уже настраивается на провал. К счастью, память быстро возвращается и он раскрывает секреты того, кем являлся, что успел обнаружить и почему за ним охотятся. Выходит, что самой опасной тайной является его собственная личность. ЦЕЛЬ ЗЕРО – шпионский триллер, который заставит вас листать страницы до поздней ночи. Триллер, из которого выжато все, – издание Midwest Book Review (о книге Все средства хороши) . Книга № 1 (Все средства хороши) из серии-бестселлера Джека Марса о Люке Стоуне (7 книг) набрала более 800 наилучших отзывов, доступна для бесплатного скачивания!

© Марс Д.

© Lukeman Literary Management Ltd

Содержание

ПРОЛОГ	8
ГЛАВА ПЕРВАЯ	15
ГЛАВА ВТОРАЯ	21
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	27
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	34
ГЛАВА ПЯТАЯ	39
ГЛАВА ШЕСТАЯ	44
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

ДЖЕК МАРС ЦЕЛЬ ЗЕРО

Джек Марс

Сегодня Джек Марс – автор серии-бестселлера о Люке Стоуне, которая содержит семь книг (серия продолжается). Благодаря высокому интересу со стороны читателей, он также создал приквел о становлении Люка Стоуна и новую серию шпионского триллера о Кенте Стиле.

Джек будет рад услышать ваше мнение, поэтому заходите на www.jackmarsauthor.com, подписывайтесь на e-mail рассылку, получите бесплатный экземпляр, узнайте о распродажах. Подписывайтесь на него на Facebook и Twitter и оставайтесь в курсе новинок!

Copyright © 2018 г. Джек Марс. Все права защищены. За исключением случаев, разрешенных Законом США об авторском праве 1976 года, ни одна часть данной публикации не может быть воспроизведена, распространена или передана в любом формате или любыми средствами, либо храниться в базе данных, без предварительного разрешения автора. Данная книга лицензирована только для личного пользования. Данная книга не может быть повторно продана или передана другим людям. В случае, если вы хотите поделиться этой книгой с другим лицом, вам необходимо приобрести дополнительную копию для каждого получателя. Если вы читаете эту книгу, не купив ее, или же она была приобретена не для личного пользования, пожалуйста, верните ее и приобретите собственный экземпляр. Спасибо за уважение к напряженной работе автора. Это художественное произведение. Имена, персонажи, предприятия, организации, места, события и происшествия являются плодом воображения автора. Любое сходство с реальными людьми, живыми или мертвыми, совершенно случайно.

КНИГИ ДЖЕКА МАРСА

КНИГИ ИЗ СЕРИИ ТРИЛЛЕРОВ О ЛЮКЕ СТОУНЕ

ВСЕ СРЕДСТВА ХОРОШИ (Книга №1)

ПОД ПРИСЯГОЙ (Книга №2)

КНИГИ ИЗ СЕРИИ ШПИОНСКИХ ТРИЛЛЕРОВ О КЕНТЕ СТИЛЕ

АГЕНТ ЗЕРО (Книга №1)

ЦЕЛЬ ЗЕРО (Книга №2)

ОХОТА ЗА ЗЕРО (Книга №3)

Агент Zero – Краткое описание книги №1 (Резюме для включения в книгу №2)

Профессор Колумбийского университета и отец двоих детей заново открывает для себя давно забытое прошлое в качестве агента ЦРУ. Он проделывает путь через всю Европу, стремясь найти ответ на вопрос, каким образом его память была подавлена при попытке раскрытия террористического заговора против десятков мировых лидеров

Агент Zero: Во время похищения профессора Рида Лоусона из его головы был изъят экспериментальный подавитель памяти, что позволило вернуть воспоминания о работе в качестве агента ЦРУ, Кента Стила, более известного во всем мире под именем Агента Zero.

Майя и Сара Лоусон: Две дочери Рида в возрасте 16 и 14 лет соответственно. Не знают о прошлом отца в качестве агента ЦРУ.

Кейт Лоусон: Жена Рида и мать его двоих детей, внезапно погибшая два года назад из-за ишемического инсульта.

Агент Алан Риджер: Лучший друг Кента Стила и его коллега. Именно Риджер помог установить подавитель памяти, чтобы предотвратить вероятность совершения необдуманных поступков во время преследования опасного убийцы.

Агент Мария Йоханссон: Еще один агент ЦРУ и бывшая любовь Кента Стила (после смерти жены). Одной из первых проявила себя в качестве возможного союзника, пока он восстанавливал память и разбирался в террористическом заговоре.

Амон: Террористическая группировка, объединяющая в себе сразу несколько ячеек по всему миру. Их целью являлось нападение на Всемирный экономический форум в Давосе, пока весь мир был отвлечен Зимними Олимпийскими играми, проходящими в соседнем Сьоне. Агент Zero не дал плану воплотиться в жизнь.

Раис: Американский эмигрант и нанятый Амоном киллер, считавший, что смыслом его существования является убийство Агента Зеро. Во время борьбы, произошедшей в швейцарском Сьоне, где проходили Зимние Олимпийские игры, Раис был смертельно ранен и брошен умирать.

Агент Винсент Бараф: Итальянский агент Интерпола, который оказал неоценимую поддержку Зеро и Йоханссон в процессе предотвращения атаки на Давос Амоном.

Агент Джон Уотсон: мужественный агент ЦРУ, спасший дочерей Рида от рук террористов на пирсе в Нью-Джерси.

ПРОЛОГ

– Отвечай, Рено, – произнес мужчина в возрасте. Его глаза блеснули, когда он посмотрел на пузырьки под крышечкой кофеварки, стоявшей между ними. – Зачем ты сюда приехал?

Доктор Цицерон был добрым, жизнерадостным человеком, которому нравилось называть себя «пятидесятивосьмилетним молодцем». Его борода начала седеть еще до сорока, а затем и вовсе побелела. Всегда аккуратно подстриженная, она стала беспорядочно расти в разные стороны после проведенного времени в тундре. Сегодня на нем был ярко-оранжевый пуховик, которому все же не удалось затмить озорной блеск голубых глаз.

Молодой француз был слегка озадачен вопросом, хотя прекрасно знал ответ, неоднократно репетируя его в своей голове.

– В Университет поступил запрос из ВОЗ по поводу дополнительных научных сотрудников. Они, в свою очередь, предложили эту работу мне, – ответил он по-английски. Сам Цицерон был коренным греком, а Рено – выходцем с южного побережья Франции. Поэтому мужчинам приходилось использовать международный язык для общения. – Честно говоря, передо мной было еще два человека. Но оба они отказались. Я же увидел отличную возможность, чтобы...

– Бум! – с ухмылкой перебил его мужчина в возрасте. – Я не спрашивал о твоих работах, Рено. Я читал сообщение, а также твою диссертацию об уникальной возможности предсказать мутацию гриппа В. Должен сказать, очень хорошо написано. Вряд ли я смог бы сделать лучше.

– Спасибо, сэр.

– Оставь своих «сэров» для конференций и благотворительных вечеринок, – усмехнулся доктор. – Здесь мы все равны. Зови меня просто Цицероном. Сколько тебе лет, Рено?

– Двадцать шесть, сэр... То есть, Цицерон.

– Двадцать шесть, – задумчиво повторил собеседник, вытянув ладони над походной кухней, чтобы согреть руки. – И уже заканчиваешь докторскую? Впечатляет. Но я хотел узнать именно то, зачем ты *сюда* приехал? Как я уже говорил, я видел твои документы. Ты молод, умен, даже красив... – снова ухмыльнулся Цицерон. – Думаю, ты мог бы пройти стажировку в любом месте на этой планете. И за эти четыре дня, которые ты провел с нами, ты ни слова не рассказал о себе. Почему именно это место, когда есть столько всего интересного вокруг?

Цицерон развел руками, словно подтверждая свою точку зрения, хотя в этом не было особого смысла. Совершенно пустая арктическая тундра в серо-белых тонах растянулась во всех направлениях, насколько было видно невооруженным глазом, не считая северо-востока, где виднелись сопки, покрытые снегом.

– Что ж, если говорить прямо, доктор, я приехал, чтобы поучиться именно у вас, – признался Рено, у которого уже порозовели щеки от мороза. – Я ваш поклонник. Ваша работа по предотвращению вспышки вируса Зика была поистине вдохновляющей.

– Ясно, – добродушно отозвался Цицерон. – Лесть поможет тебе добраться куда угодно, хотя в данный момент для этих целей больше подойдет черный бельгийский кофе.

Он натянул толстую варежку на правую руку, вытащил кофеварку из походной кухни, работающей на бутане, и заполнил две пластиковые чашки дымящимся напитком. Это было одним из немногих преимуществ современного мира, доступных им на просторах арктической пустыни.

Последние двадцать семь дней жизни доктора Цицерона его домом служил палаточный городок, расположившийся примерно в ста пятидесяти метрах от берега Колымы. Он состоял из четырех неопределенных шатров, брезентового навеса, прикрепленного с одной стороны, чтобы закрывать их от ветра, и временного герметичного помещения. Именно под брезентовым навесом сейчас и стояла пара мужчин, наливая себе кофе, сваренный в походной

кухне с двумя горелками, установленной среди складных столов с микроскопами, образцами вечной мерзлоты, археологическим оборудованием, двумя мощными компьютерами, устойчивыми к перепадам температур, и центрифугой.

– Пей, – произнес Цицерон. – Подходит наша смена, – он отхлебнул кофе, прикрыв глаза. С его губ сорвал тихий стон удовольствия. – Это напоминает мне о доме, – мягко добавил он. – Тебя кто-нибудь ждет там, Рено?

– Да, – ответил молодой человек. – Моя Клодетт.

– Клодетт, – повторил Цицерон. – Милое имя. Женаты?

– Нет, – просто ответил Рено.

– С нашей работой очень важно иметь что-то, к чему захочется вернуться, – задумчиво произнес Цицерон. – Это придает сил справиться в будущем с тем хладнокровием, которое часто бывает просто необходимо. Тридцать три года я называл Фиби своей женой. Работа забрасывает меня в самые дальние уголки планеты, но она всегда ждет моего возвращения. Находясь вдалеке, я скучаю, но оно того стоит. Каждый раз, когда я приезжаю домой, я заново влюбляюсь в нее. Как говорится, разлука для любви, что ветер для искры.

– Никогда бы не подумал, что вирусолог может быть романтиком, – усмехнулся Рено.

– Эти вещи никак не исключают друг друга, мой мальчик, – слегка нахмурился доктор. – И все же... Сомневаюсь, что твоя голова забита именно Клодетт. Ты очень задумчивый парень, Рено. Я не раз замечал, как ты смотришь на вершины гор, словно пытаешься найти там ответы.

– Думаю, вы упустили свое истинное призвание, доктор, – ответил Рено. – Вам стоило бы стать психологом, – но улыбка быстро исчезла с его лица, как только он продолжил. – В общем, вы правы. Я согласился на эту работу не только из-за возможности поработать с вами, но и потому, что посвятил себя одному делу... Делу, основанному пока лишь на личных убеждениях. Но стоит отметить, что я даже немного боюсь того, куда эти убеждения могут привести меня в итоге.

– Как я уже отметил, независимость очень важна в нашей работе. Нужно научиться быть хладнокровным, – понимающе кивнул Цицерон, положив руку на плечо молодого человека. – Это говорит тебе человек с огромным опытом за плечами. Убеждения – это несомненно мощный стимул, но эмоции имеют тенденцию затуманивать разум и притуплять интуицию.

– Буду осторожен. Спасибо, сэр, – смущенно улыбнулся Рено. – Цицерон. Спасибо.

Внезапно зашипела рация, лежавшая на столе за ними, прервав повисшую задумчивую паузу.

– Доктор Цицерон, – раздался женский голос с явным ирландским акцентом. Это была Брэдли, находившаяся на ближайшей археологической точке. – Мы кое-что откопали. Вам стоит на это взглянуть. Захватите с собой бокс. Прием.

– Сейчас подойдем. Прием, – ответил доктор Цицерон, взяв рацию, и как-то по-отечески улыбнувшись Рено. – Кажется, нас вызвали чуть раньше. Пора одеваться.

Мужчины поставили на стол все еще дымящиеся кружки и поспешили в герметичное помещение, зайдя в ближайший проем, чтобы переодеться в ярко-желтые защитные костюмы, предоставленные Всемирной организацией здравоохранения. В первую очередь они надели перчатки и резиновые сапоги, плотно застегнув их на запястьях и лодыжках, а затем уж сами комбинезоны, капюшоны и, наконец, маски с респираторами.

Они собирались быстро и тихо, почти с благоговением, используя этот маленький промежуток времени не только для физической трансформации, но и для того, чтобы переключиться с милого подшучивания друг над другом на холодное мышление, необходимое для их работы.

Рено не нравились защитные костюмы. Они слишком затормаживали действия и работа становилась утомительной. Но для проведения их исследований они были обязательны. Ученым предстояло найти и изучить один из самых опасных организмов, известных человечеству.

Вместе с Цицероном они вышли из форкамеры и направились к берегу Колымы – вяло текущей ледяной реки, берущей начало где-то за горами на юге и движущейся на восток к океану.

– Бокс, – внезапно вспомнил Рено. – Я захвачу.

Он поспешил обратно к шатру, чтобы достать контейнер для образцов, представляющий собой куб из нержавеющей стали с четырьмя зажимами и символом биологической опасности на каждой из шести сторон. Затем он бегом вернулся к Цицерону и они поспешили к месту раскопок.

– Ты же в курсе, что происходило недалеко отсюда, да? – поинтересовался Цицерон прямо через респиратор, пока они шли.

– Да.

Рено читал отчет. Пять месяцев назад двенадцатилетний мальчик из местной деревни заболел после употребления воды из Колымы. Сначала решили, что вода в реке загрязнена, но, как только начали проявляться первые симптомы, картина стала более ясной. Сразу после того, как о болезни стало известно, на место были вызваны научные сотрудники из ВОЗ и началось расследование.

Мальчик заразился оспой. Если точнее, он наткнулся на штамм, который ранее был неизвестен современному человеку.

В конечном итоге, исследования привели к туше северного оленя у берега реки. После тщательного проведения анализов гипотеза подтвердилась: животное умерло более двухсот лет назад, а его останки стали частью вечной мерзлоты. Болезнь, от которой погиб олень, замерзла вместе с тушей и никак не проявляла себя вплоть до событий пятимесячной давности.

– Обычная цепная реакция, – пояснил Цицерон. – По мере таяния ледников уровень воды в реке и ее температура повышаются. Это, в свою очередь, влияет на вечную мерзлоту. Кто знает, какие болезни могут скрываться под этим льдом? Любые древние штаммы, подобных которым мы никогда не встречали... Вполне возможно, что некоторые из них вообще могут предшествовать появлению человечества, – в голосе доктора слышалось не только беспокойство, но и явное воодушевление перед неизведанным. В конце концов, это же был смысл его жизни.

– Я читал, что в 2016 году ученые наткнулись на сибирскую язву в водохранилище, которая попала туда из-за таяния ледника, – заметил Рено.

– Это правда. Меня тогда вызывали для проведения анализа. Так же было и с «испанкой» на Аляске.

– Что стало с мальчиком? – поинтересовался молодой француз. – Который заболел оспой пять месяцев назад, – он прекрасно знал, что ребенок, вместе с пятнадцатью другими из его же деревни, был помещен на карантин, но на этом отчет заканчивался.

– Он умер, – ответил Цицерон. В его голосе не было абсолютно никаких эмоций, что странно, если вспомнить, как он говорил о своей жене Фиби. За несколько десятилетий подобной работы, доктор научился выключать свои чувства при необходимости. – Вместе с четырьмя другими ребятами. Но благодаря им мы нашли вакцину от данного штамма, так что их смерть не стала напрасной.

– И тем не менее, – тихо произнес Рено. – Их жаль.

Участок раскопок находился всего в паре метров от берега реки: кусочек тундры площадью двадцать квадратных метров, огороженный металлическими конусами с ярко-желтой сигнальной лентой. Это была уже четвертая подобная точка, найденная исследовательской группой за время экспедиции.

Внутри оцепленного квадрата, сторбившись над небольшим участком земли в самом центре, стояли четверо других экспертов в защитных костюмах. Один из них заметил вновь прибывших и поспешил к ним.

Это была доктор Брэдли, археолог, вызванный из университета Дублина.

– Цицерон, – позвала она. – Мы кое-что нашли.

– Что именно? – поинтересовался он, низко присев под сигнальной лентой. Рено повторил за ним.

– Руку.

– Простите? – удивился молодой француз.

– Покажите, – кивнул Цицерон.

Брэдли проводила их к месту, где исследователи обнаружили находку. Рено прекрасно знал, что раскопки в вечной мерзлоте – занятие не из легких. А делать это нужно было еще и осторожно. Самые верхние слои промерзшей земли в Арктике, как правило, таяли к лету. Но глубокие носили свое название не просто так, они действительно становились каменными. Яма, которую вырыла команда Брэдли достигала практически двух метров в глубину и была достаточно широкой, чтобы взрослый человек мог спокойно там лечь.

«Прямо как могила», – мрачно подумал Рено.

И словно в подтверждение его словам, они увидели на самом дне замерзшие останки частично разложившейся человеческой руки. Пальцы были изогнуты, едва отличались от скелета и почернели от времени и почвы.

– О, Боже, – почти шепотом произнес Цицерон. – Ты знаешь, что это, Рено?

– Тело? – рискнул предположить он. Во всяком случае, он искренне надеялся, что рука вела к чему-то большему.

– Еще в 1880-х годах неподалеку отсюда находилось небольшое поселение, прямо на берегу Колымы, – быстро заговорил Цицерон, отчаянно жестикулируя руками. – Первопроходцами были кочевники, которые решили обосноваться здесь и построить деревню из-за быстрого роста их численности. Тогда и произошла немыслимая трагедия. Их охватила эпидемия оспы, за считанные дни забрав жизни сорока процентов населения. Люди решили, что река проклята, и выжившие быстро покинули это место. Но прежде чем убраться отсюда, они похоронили своих соплеменников прямо здесь, в братской могиле на берегу Колымы, – он указал на найденную в яме руку. – Потоки воды размывают берега. Вечная мерзлота тает и очень скоро обнажит все тела. Затем природа сработает сама и разнесет вирус, а мы заново столкнемся с эпидемией.

Наблюдая за тем, как один из исследователей в желтой форме соскребает образцы разлагающейся руки прямо в яме, Рено на мгновение забыл, как дышать. Открытие было невообразимым. Если отбросить события пятимесячной давности, последняя официально зафиксированная вспышка оспы произошла в Сомали в 1977 году. Лишь к 1980 году Всемирная организация здравоохранения объявила о том, что эпидемия ликвидирована. Сейчас же они стояли буквально на краю могилы, осознавая, что в ней закопан опаснейший вирус, способный всего за несколько дней стереть с лица Земли население крупного города. И именно их работой было выкопать его, проанализировать и отправить образцы в ВОЗ.

– Необходимо дождаться подтверждения Женевы, – тихо добавил Цицерон. – Но если мои предположения верны, то мы только что обнаружили штамм оспы восьмимысячелетней давности.

– Восьмимысячелетней? – переспросил Рено. – Мне казалось, вы только что сказали, что поселение располагалось здесь в конце девятнадцатого века.

– Да, сказал! – ответил Цицерон. – Но тогда возникает вопрос, как они, изолированное племя кочевников, наткнулись на него? Наверное, подобным же образом. То есть копали землю и наткнулись на что-то застывшее в ней еще со времен, когда Арктика только зарождалась. Штамм, обнаруженный в оттаявшей туше северного оленя пять месяцев назад, относится к началу эпохи голоцена, – казалось, пожилой вирусолог просто не мог отвести взгляд от руки, торчашей из замерзшей грязи внизу. – Рено, пожалуйста, принеси бокс.

Рено взял стальной бокс для образцов и поставил его на промерзшую землю у края ямы. Открыв все четыре зажима, позволявших герметично упаковать находки, он поднял крышку. Внутри находился МАВ РА-15, который он заранее положил туда. Старый, легкий пистолет весил менее килограмма в запроваденном пятнадцатью пулями состоянии и с запасным магазином.

Он принадлежал его дяде, ветерану французской армии, воевавшему в Магрибе и Сомали. Сам же молодой человек не любил пистолеты. Оружие казалось ему слишком вычурным, слишком прямым и искусственным. То ли дело вирус – идеальная машина, созданная самой природой и способная уничтожать целые виды живых существ, слепо и систематично. Без эмоций, непреклонно и быстро. Именно все это ему сейчас и предстояло ощутить.

Рено потянулся к боксу и обхватил рукой пистолет, слегка замявшись. Ему не хотелось пользоваться таким оружием. Честно говоря, он искренне полюбил заразительный оптимизм Цицерона и живой блеск в глазах старика.

«Но все рано или поздно заканчивается, – подумал он. – Нас ожидает следующее испытание».

Рено замер с пистолетом в руках. Он снял оружие с предохранителя и беспристрастно расстрелял двух исследователей, стоявших по обе стороны от ямы, попав им прямо в грудь.

Доктор Брэдли испуганно завизжала, услышав выстрелы. Она успела отступить назад на пару шагов, прежде чем Рено всадил в нее две пули. Англичанин Скотт сделал неловкую попытку вылезти из ямы, но француз отправил его обратно в братскую могилу, попав прямо в голову.

Выстрелы были оглушительными, подобно грому, но за сотни километров рядом не было никого, кто мог бы их услышать. Почти никого.

Цицерон замер на месте, парализованный страхом. Рено потребовалось всего семь секунд, чтобы расправиться с четырьмя жизнями. Лишь семь секунд, чтобы превратить научную экспедицию в массовое убийство.

Было видно, как губы пожилого доктора задрожали прямо под респиратором. В конце концов, он, заикаясь, смог произнести лишь два слова:

– За ч-что?

Ледяной взгляд Рено был непоколебим, впрочем, как и у любого опытного вирусолога.

– Доктор, – мягко произнес он, – вы слишком быстро дышите. Снимите респиратор, чтобы не потерять сознание.

Дыхание Цицерона и правда было слишком быстрым и прерывистым, чего не стоило допускать при использовании респиратора. Он перевел взгляд с пистолета в руке Рено, который небрежно был направлен в его сторону, на мертвого доктора Скотта, лежавшего в яме.

– Я... Я не могу, – заикался Цицерон. Снять респиратор прямо сейчас означало подвергнуть себя этой болезни. – Рено, пожалуйста...

– Я не Рено, – ответил молодой человек. – Меня зовут Шеваль, Адриан Шеваль. Да, был какой-то Рено, студент университета, получивший эту стажировку. Но он уже мертв. Вы изучали именно его дело и его документы.

Налитые кровью глаза Цицерона расширились. В глазах постепенно темнело и все становилось размытым. Он вот-вот мог потерять сознание.

– Я не... Я не понимаю... За что?

– Доктор Цицерон, прошу вас. Снимите респиратор. Раз уж вы собираетесь умереть, то разве не хотите сделать это с достоинством? Лицом к солнцу, а не под маской. Если вы потеряете сознание, то уверяю вас – больше вы уже никогда не проснетесь.

Дрожащими пальцами Цицерон медленно дотронулся до тугого желтого капюшона и стянул его, обнажив белые пряди волос. Затем он взялся за респиратор и снял его. Пот на лбу мгновенно застыл.

– Хочу, чтобы вы знали, – произнес Шеваль. – Я действительно уважаю вас и то, что вы делаете, Цицерон. Я не получаю удовольствия от всего этого.

– Рено, точнее Шеваль, кем бы ты ни был, прислушайся к своему внутреннему голосу, – сняв респиратор, Цицерон смог достаточно отдышаться, чтобы собрать все силы в кулак и попытаться уговорить француза. У молодого парня могла быть лишь одна причина, по которой он решился на подобное злодеяние. – Что бы ты не хотел сделать, пожалуйста, подумай еще раз. Это слишком опасно...

– Я в курсе, доктор, – вздохнул Шеваль. – Видите ли, я действительно был студентом Стокгольмского университета и на самом деле стремился получить докторскую степень. Но вышло так, что в прошлом году я допустил ошибку, подделав подписи на бланке запроса для получения образцов редкого энтеровируса. На факультете узнали об этом. Меня исключили.

– Тогда... Тогда позволь мне помочь тебе, – принялся умолять Цицерон. – Я... Я могу подписать подобный запрос. Я могу помочь тебе с исследованием. Что угодно, только не...

– Исследование, – тихо произнес Шеваль. – Нет, доктор. Мне нужно не исследование. Мои люди ждут и они не особо терпеливы.

– Из этого не выйдет ничего хорошего, – произнес Цицерон. В его глазах застыли слезы. – Ты прекрасно знаешь это.

– Вы не правы, – ответил молодой человек. – Да, многие погибнут. Но они умрут с благородной целью, проложив путь к гораздо лучшему будущему, – Шеваль обернулся. Он не хотел стрелять в этого милого старика. – И все же в одном вы были правы. Моя Клодетт. Она и правда существует. И разлука для любви действительно, что ветер для искры. Мне пора, Цицерон, и вам тоже. Но я уважаю вас и готов выполнить последнюю просьбу. Есть что-нибудь, что вы хотели бы передать своей Фиби? Даю слово, она получит сообщение.

– Нет ничего столь важного из того, что я еще ей не сказал, чтобы отправлять туда такого монстра, как ты, – медленно покачал головой Цицерон.

– Отлично. В таком случае, до свидания, доктор, – Шеваль поднял РА-15 и выстрелил в лоб Цицерону. Рана тут же вспенилась на морозе, а пожилой ученый, пошатнувшись, упал на пустырь, со всех сторон окруженный безмолвной тундрой.

В последовавшей за этим ошеломляющей тишине, Шеваль на мгновение замер, а затем, встав на колени, пробормотал короткую молитву. Затем он принялся за работу.

Вытерев отпечатки пальцев и следы пороха с пистолета, он бросил его в ледяную Колыму. После этого мужчина отправил все четыре тела в яму к их коллеге доктору Скотту. Используя кирку и лопату, он потратил целых полтора часа на то, чтобы закопать трупы вместе с найденной, частично разлагающейся рукой. Затем он разобрал место раскопок, вытащив конусы и сорвав сигнальную ленту. Француз работал тщательно, ни капли не торопясь, поскольку знал, что в течение ближайших восьми-двенадцати часов никто даже не попытается связаться с группой исследователей. А до момента, когда ВОЗ решится отправить кого-нибудь для проверки, пройдет еще не менее суток. Расследование, безусловно, выведет их к братской могиле, но Шеваль не планировал облегчать им жизнь.

Завершив дела, он взял стеклянные пробирки с образцами разлагающейся конечности и осторожно вставил их один за другим в безопасные пенопластовые ячейки бокса из нержавеющей стали, прекрасно понимая, что каждая из них несет собой смертельную угрозу. Аккуратно закрыв контейнер на все четыре зажима, француз отнес образцы обратно в палаточный городок.

Шеваль вошел в импровизированную «чистую комнату» и направился к портативному душу для прохождения дезинфекции. Процедура заключалась в том, что со всех сторон горячей водой и специальным средством его опрыскивали шесть форсунок. Закончив, он медленно и осторожно стянул с себя желтый защитный костюм и бросил его прямо на пол. Вполне воз-

можно, что где-то мог остаться его волос или иной образец ДНК, но впереди был еще один, последний, но не менее важный шаг.

В кузове джипа повышенной проходимости Цицерона лежали две красные канистры с бензином. Чтобы достичь цивилизации ему потребуется всего одна. Содержимое второй канистры Шеваль разлил по «чистой комнате», четырем неопреновым палаткам и брезентовому навесу, а затем поджег. Пламя поднялось мгновенно, выпустив в небо черный маслянистый дым. Француз запрыгнул в джип, прихватив с собой бокс с образцами, и уехал. Он не спешил, но и не рассматривал в зеркало заднего вида, как горит городок исследователей. Он просто продолжал свой путь.

Имам Халиль ждет его. Но молодому французу предстояло еще хорошенько поработать, прежде чем вирус будет готов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Рид Лоусон уже в десятый раз за последние две минуты выглядывал в окно своего кабинета, приподняв жалюзи. Он начинал беспокоиться, поскольку автобус давно должен был приехать.

Кабинет находился на втором этаже их нового дома на Спрус-стрит в Александрии, штат Вирджиния, и занимал самую маленькую комнату из трех. Тем не менее, по сравнению с тем «шкафом», который был у Рида в Бронксе, это место казалось поистине величественным. Половина его вещей все еще стояла не распакованной, а открытые коробки были просто разбросаны по всей комнате. Книжные полки уже были установлены, но сами книги все еще лежали на полу, хоть и в алфавитном порядке. Единственное, что он полностью организовал и обустроил, это стол и компьютер.

Рид говорил сам себе, что именно сегодня настал тот день, когда он все разберет и, спустя месяц после переезда, наконец, расставит по своим местам. И он уже даже открыл коробку.

Хорошее начало.

«Автобус никогда не опаздывает, – подумал Лоусон. – Он всегда подъезжает в три двадцать три, ну или максимум в три двадцать пять. Сейчас уже три тридцать одна. Пора звонить им».

Он взял со стола свой мобильный телефон и набрал номер Майи. Пока шли гудки, он наматывал круги по кабинету, стараясь не думать обо всех тех ужасных вещах, которые могли произойти с его девочками по пути из школы домой.

Звонок перешел на голосовую почту.

Рид практически бегом спустился по лестнице в прихожую и схватил ветровку. Март в Вирджинии был намного приятнее, нежели в Нью-Йорке, но все же погода была обманчивой. Достав из кармана ключи от машины, он набрал четырехзначный код на панели на стене, чтобы запустить сигнализацию. Лоусон прекрасно знал точный маршрут автобуса и мог запросто проехать по нему прямо до школы, если нужно, но...

Открыв дверь, он увидел, как перед домом, скрипнув тормозами, остановился ярко-желтый автобус.

– Спалился, – пробормотал Рид. У него не было возможности незаметно нырнуть обратно в дом. Его уже заметили. Две девочки вышли из автобуса и направились к крыльцу, застенчиво остановившись у двери, которую отец преградил своим телом.

– Привет, девочки, – сказал он как можно спокойнее. – Как дела в школе?

– Куда идешь, – спросила старшая дочь, Майя, с подозрительным видом скрестив руки на груди.

– Эм... Забрать почту, – ответил он.

– С ключами от машины? – указала она на кулак, действительно сжимавший ключи от серебристого внедорожника. – Еще варианты?

«Мда, – подумал он. – Точно спалился».

– Автобус опоздал. А вы помните, что я говорил звонить мне в случае опоздания. Почему ты не ответила на вызов? Я пытался...

– Шесть минут, пап, – покачала головой Майя. – Шесть минут – это не «опоздание». Шесть минут – это пробки. На пути мы встретили мелкое ДТП.

Он отступил, пропуская дочерей внутрь дома. Младшая дочь, Сара, быстро обняла его, пробормотав:

– Привет, папочка.

– Привет, милая, – Рид закрыл за ними дверь, запер ее и снова набрал код сигнализации, прежде чем обернуться к Майе. – Пробки или нет, вы должны сообщать мне, когда опаздываете.

– Неврастеник, – пробормотала она в ответ.

– Прошу прощения, – удивленно моргнул Рид. – Кажется, ты путаешь невроз с беспокойством.

– Ой, да ладно, – парировала Майя. – Ты не выпускаешь нас из виду уже несколько недель. С тех пор, как вернулся.

Она, как всегда, была абсолютно права. Рид всегда был чрезмерно заботливым отцом и ситуация лишь усугубилась, когда его жена и их мать Кейт умерла два года назад. В последние четыре недели он стал буквально супер-опекающим, болтающимся за ними повсюду и, если быть честным, наверное, даже стал пытаться руководить их действиями.

Но он не собирался признавать это перед дочерьми.

– Мой милый, дорогой ребенок, – произнес он с упреком. – Когда ты войдешь во взрослую жизнь, тебе придется понять одну жестокую истину – иногда ты ошибаешься. И это то, что произошло прямо сейчас, – ухмыльнулся Рид, но Майя не проявила никаких эмоций. Он часто пытался снять напряжение в отношениях с детьми юмором, но старшая дочь не переняла эту черту характера отца.

– Как угодно, – она вышла из прихожей и направилась на кухню. Девочке было всего шестнадцать, но она уже была потрясающе умна для своего возраста. Иногда Риду казалось, что это может даже навредить ей. У Майи были темные волосы отца и склонность к драматизму, но в последнее время она все чаще впадала в подростковую депрессию или же просто капризничала... Вероятно, все это было вызвано постоянными переездами Рида и явной дезинформацией о событиях, произошедших месяц назад.

Сара, младшая из сестер, поднялась по лестнице вверх.

– Я начну делать уроки, – тихо сказала она.

Оставшись в прихожей наедине с самим собой, Рид вздохнул и прислонился к белой стене. Его сердце постоянно болело за девочек. Саре было четырнадцать и в целом она была веселой и милой, но всякий раз, когда всплывал вопрос о событиях, произошедших в феврале, дочь замолкала или вовсе покидала комнату. Она совершенно не хотела говорить об этом. Несколько дней назад Рид пытался сводить ее к психотерапевту, то есть нейтральной третьей стороне, с кем она могла бы обсудить этот эпизод (конечно же был запланирован врач из ЦРУ). Но дочь отказалась, просто ответив: «нет, спасибо». А затем развернулась и вышла из комнаты, прежде чем Рид успел хоть как-то среагировать.

Его раздражал тот факт, что приходится скрывать правду от своих детей, но это было необходимо. Помимо Управления и Интерпола, больше никто не должен был знать правду, которую он сам открыл чуть больше месяца назад: Рид был агентом ЦРУ, работающим под псевдонимом Кента Стила, так же известного в определенных кругах в качестве Агента Зеро. Ему был установлен экспериментальный подавитель памяти, заставивший напрочь забыть о существовании Кента и его работе практически на два года, пока устройство не вытащили из черепа.

Большинство воспоминаний из жизни все еще оставалось загадкой. Они были заперты где-то в глубинах разума, потихоньку просачиваясь, словно протекающий кран, каждый раз, когда мелькала какая-то словесная или визуальная подсказка. Засчет некорректного удаления подавителя памяти пострадала лимбическая система и воспоминания не смогли вернуться сразу. Сам Рид в основном радовался этому. Учитывая, что ему уже удалось вспомнить из жизни Агента Зеро, он сильно сомневался, что хочет вернуть все целиком. Самым большим переживанием теперь стало то, что в его памяти могло всплыть нечто такое, о чем даже Кент

никогда не хотел вспоминать. Какой-то ужасный поступок или болезненное сожаление, с которым Рид Лоусон не сможет продолжать нормальную жизнь.

Из-за всего этого после февральских событий он был ужасно занят. ЦРУ помогло ему перевезти семью сразу после возвращения в США. Их с девочками перенаправили в Александрию, штат Вирджиния, которая находилась совсем недалеко от Вашингтона. Также Управление устроило его на позицию приглашенного профессора в Университет Джорджтауна.

С тех пор и закрутился ураган событий: зачисление девочек в новую школу, адаптация на новом рабочем месте и переезд в новый дом в Вирджинии. Но Рид сам сыграл немаловажную роль в собственной занятости, создав для себя кучу дополнительных проблем. Он покрасил стены в комнатах. Он улучшил технику. Он купил новую мебель и новую одежду дочерям. Лоусон с легкостью мог позволить себе это, поскольку ЦРУ выдало ему огромную премию за участие в остановке деятельности террористической группировки под названием «Амон». Этот бонус был больше его годовой зарплаты в университете и, чтобы избежать налоговой проверки, сумма поступала ежемесячно равными частями. Официально все было оформлено как плата за проведение консультаций от издательской фирмы-однодневки, которая якобы планировала выпустить новую серию учебников по истории.

Поэтому, имея приличную сумму денег и целую кучу свободного времени, поскольку читал всего пару лекций в неделю, Рид старался занять себя, насколько мог. Лишний отдых приводил к ненужным размышлениям, которые заставляли его думать о потерянной памяти и иных неприятных вещах.

Например, таких, как девять имен, которые навсегда останутся в его голове. Девять лиц, которые он успел внимательно изучить. Девять жизней, которые были потеряны из-за его ошибки.

– Нет, – тихо пробормотал он, одиноко стоя в прихожей их нового дома. – Не делай это сам с собой, – он не хотел думать сейчас обо всем этом, поэтому просто отправился на кухню, где Майя ковырялась в холодильнике в поисках чего-нибудь перекусить.

– Наверное, стоит заказать пиццу, – сообщил он. Дочь не отреагировала. – Как считаешь?

– Хорошо, – просто ответила она, закрыв со вздохом холодильник и прислонившись к его дверце. – Эта кухня лучше. А еще мне нравится панорамное окно в комнате. И двор явно больше.

– Я имел в виду пиццу, – улыбнулся Рид.

– Я знаю, – ответила она, пожав плечами. – Просто мне кажется, что теперь ты решил избегать этой темы. Я не буду настаивать.

Лоусон снова отпрянул от неожиданного хамства дочери. Она неоднократно требовала от него информации по поводу того, что произошло, когда он исчез, но разговор всегда заканчивался тем, что он уверял ее в правдивости прикрытия, а дочь злилась, потому что понимала, что он лжет. Затем она бросала эту идею примерно на неделю и все повторялось по кругу.

– Майя, не стоит так себя вести, – сказал он.

– Пойду проверю Сару, – дочь повернулась на каблуках и вышла из кухни. Уже через мгновение раздались шаги по лестнице.

Рид разочарованно коснулся переносицы. В подобные моменты он еще больше скучал по Кейт. Она всегда знала, что ответить. Она знала, как обращаться с двумя подростками, которые пережили то, через что пришлось пройти его дочерям.

Он чувствовал, что врать становится все сложнее. Он больше не мог заставлять себя снова повторять выдуманную легенду, созданную ЦРУ, обманывая семью и коллег по поводу того, куда исчез на целую неделю. Официально к нему приехали федералы и попросили о помощи. Будучи профессором Лиги плюща, Лоусон владел уникальной информацией, способной помочь им в расследовании. Девочкам же он сообщил, что большую часть этой недели

провел в конференц-зале, изучая книги и анализируя данные на компьютере. Ему было позволено раскрыть лишь эту часть и никаких деталей больше.

Естественно, он не мог рассказать им о своем тайном прошлом в качестве Агента Зеро или же о том, что помешал Амону атаковать Всемирный экономический форум в швейцарском Давосе. Также он не мог открыть и тот факт, что всего за несколько дней в одиночку убил более десятка человек, каждый из которых был достаточно известным террористом.

Рид был обязан придерживаться этой туманной версии не только ради ЦРУ, но и ради безопасности своих детей. Пока он носился по Европе, пытаясь разобраться в ситуации, его девочкам пришлось бежать из Нью-Йорка и несколько дней скрываться самостоятельно, прежде чем ЦРУ их нашло и доставило в безопасное место. Пара убийц из Амона едва не похитила их. Данная мысль до сих пор заставляла вставать дыбом волосы на шее Рида, ведь это означало, что члены террористических ячеек присутствуют и в Штатах. Неудивительно, что он стал еще более подозрительным и требовательным.

Девочкам объяснили, что те двое мужчин, которые пытались их похитить, были членами местной банды, занимавшейся кражей детей в их районе. Сара скептически отнеслась к этой информации, но приняла ее на условиях, что отец не стал бы врать (что, конечно же, еще больше угнетало Рида). Все это, а также ее отказ обсуждать данную тему, позволили выкинуть прошлое из головы и продолжить жить дальше.

Майя, с другой стороны, наотрез отказалась верить в эту теорию. Ведь она не только была достаточно умна, чтобы понять все, но и общалась с Ридом по Скайпу во время операции, самостоятельно собрав достаточно информации, чтобы сделать некоторые умозаключения. Девочка лично стала свидетелем убийства двух радикалов Агентом Уотсоном и сильно изменилась с тех пор. Сам же Рид совершенно не понимал, что делать дальше, и пытался продолжать жить в нормальном темпе.

Лоусон вытащил из кармана мобильный телефон и набрал номер кафе, расположенного недалеко от их дома, заказав две средних пиццы: одну с дополнительным сыром (как любила Сара) и вторую с колбасой и зеленым перцем (предпочтение Майи).

Как только он повесил трубку, со стороны лестницы раздались шаги. Майя вернулась на кухню.

– Сара решила вздремнуть.

– Опять? – Сара, казалось, слишком много спала днем в последнее время. – Что она делает по ночам?

– Понятия не имею, – пожала плечами дочь. – Может стоит спросить ее саму?

– Я пытался, но она ничего мне не рассказывает.

– Может это потому, что она просто не понимает, что произошло? – предположила Майя.

– Я обеим вам рассказал, что произошло.

«*Не заставляй меня снова повторять это*, – отчаянно подумал он. – *Пожалуйста, просто дай мне соврать*».

– Может она напугана, – продолжила давить Майя. – Может просто знает, что ее отец, которому она должна доверять, *лжет* ей...

– Майя Джоанн, – предупредил Рид. – В следующий раз выбирай выражения более тщательно, иначе...

– А может она не единственная! – дочь не хотела отступать. Не в этот раз. – Может я тоже напугана.

– Здесь мы в полной безопасности, – твердо ответил Рид, стараясь звучать убедительно, хотя и сам не до конца верил в это. Снова начинала болеть голова. Он достал стакан из шкафчика и налил воды прямо из-под крана.

– Да, мы так же *думали*, что и в Нью-Йорке мы были в полной безопасности, – ответила Майя. – Может, если бы мы узнали, что на самом деле происходит и чем ты занимаешься, это

облегчило бы всем жизнь. Но нет же, – сложно было понять, был ли этот разговор результатом его неспособности оставить детей одних на двадцать минут или же подозрительностью дочери после случившегося. В любом случае, она хотела получить ответы. – Ты прекрасно знаешь, через что нам пришлось пройти. Мы же понятия *не* имеем, что произошло с тобой! – дочь практически кричала. – Куда ты уезжал, что с тобой происходило, кто тебя ранил...

– Майя, клянусь тебе... – Рид поставил стакан на барную стойку и предупреждающе покачал пальцем в ее направлении.

– Клянешься в чем? – плюнула она. – Рассказать правду? Просто объясни мне!

– Я *не могу* рассказать тебе правду! – заорал он, махнув руками в разные стороны и столкнув стакан со столешницы.

У Рида не было времени подумать. Сработали инстинкты и быстрым, плавным движением он упал на колено, поймав стакан в воздухе за долю секунды до падения.

Он вздохнул при виде того, как качнулась вода, чуть не пролившись на пол.

Майя уставилась на него широко раскрытыми глазами. Сложно было понять, чем именно она так шокирована – его словами или действиями. Она впервые в жизни наблюдала подобную реакцию у отца, а также впервые слышала его признание в том, что он не может рассказать им, что произошло. Совершенно не имело значения, подозревала ли она подобное. Слово не воробей. Он выпалил это в гневе.

– Удачно поймал, – быстро сказал он.

Майя медленно скрестила руки на груди, приподняла бровь и поджала губы. Рид прекрасно знал этот взгляд. Этот обвинительный взгляд, который она унаследовала от матери.

– Ты можешь обманывать Сару или тетю Линду, но я ни за что не поверю в эту чушь.

Рид закрыл глаза и вздохнул. Дочь не собиралась спускать его с крючка, поэтому он снизил тон и осторожно заговорил.

– Майя, послушай меня. Ты очень сообразительная девочка, достаточно умная для того, чтобы сделать определенные выводы о случившемся, – произнес он. – Очень важно научиться понимать, что владение некоторой информацией может быть опасно и способно привести к трагедии. Та ситуация, в которой вы находились на протяжении целой недели, могла быть гораздо сложнее, если бы вы что-то знали. Я не могу ответить тебе, права ты или нет. Я не стану ничего подтверждать или опровергать. Поэтому давай просто скажем, что... Ты можешь верить любому выводу, появившемуся в твоей голове, на тех условиях, что будешь сдерживать эмоции и не станешь болтать об этом.

– Ты не просто профессор, – медленно кивнула Майя. Она перевела взгляд в прихожую, чтобы убедиться, что Сара их не подслушивает, и только после этого продолжила. – Ты работаешь на кого-то на государственном уровне, возможно, ФБР или даже ЦРУ...

– Господи, Майя, я же сказал не болтать! – простонал Рид.

– Дело было связано с Зимними Олимпийскими играми и форуме в Давосе, – продолжила она. – Ты был там.

– Я уже сказал, что не стану ничего подтверждать или отрицать...

– И та террористическая группировка, о которой до сих пор говорят в новостях – Амон. Это же ты помог остановить их?

Рид отвернулся, посмотрев в маленькое окошко, выходящее на задний двор. Было уже слишком поздно. Ему и не надо было подтверждать или опровергать что-либо. Дочка все увидела сама.

– Это не игры, Майя. Все это очень серьезно и, если узнают не те люди...

– А мама была в курсе?

Из всех вопросов, которые она могла задать, этот был самым тяжелым. Лоусон долго молчал. И снова старшая дочь проявила сообразительность не по годам, которая могла сильно навредить ей в будущем.

– Сомневаюсь, – тихо произнес он.

– И все эти командировки, – продолжила Майя. – Это ведь не были конференции и исторические лекции?

– Нет. Не были.

– И потом ты временно все бросил. Ты сделал это после... после того, как мама...?

– Да. Но затем я снова им потребовался, – этой частичной правды было достаточно для того, чтобы он перестал чувствовать себя последним лжецом, и, на что он искренне надеялся, чтобы удовлетворить любопытство Майи.

Он вновь повернулся к ней. Дочь с хмурым видом уставилась на кафельный пол. Было ясно, что у нее в голове крутилась куча вопросов. И Рид надеялся, что она не станет их задавать.

– Еще один вопрос, – девочка практически шептала. – Все это как-то связано с... Со смертью мамы?

– О, Боже. Нет, Майя. Конечно, нет, – он быстро пересек комнату и крепко обнял ее. – Даже не думай об этом. То, что произошло с мамой, было исключительно проблемой со здоровьем. Это могло случиться с любым из нас. Это не... Это никак не связано.

– Думаю, я знала ответ, – тихо произнесла она. – Просто должна была спросить.

– Все хорошо, – это последнее, о чем он хотел, чтобы дочь думала, чтобы не решила, будто смерть Кейт как-то связана с той тайной жизнью, которую он ведет.

Вдруг в голове мелькнуло видение. Какое-то воспоминание из прошлого.

«Знакомая кухня. Их дом в Вирджинии еще до переезда в Нью-Йорк. До того, как она умерла. Кейт стоит перед тобой, такая же красивая, как ты и запомнил. Но брови нахмурены, а взгляд тяжелый. Она злится. Кричит. Неистово жестикулирует руками, указывая на какой-то предмет, лежащий на столе...»

Ощувив тупую боль в затылке от нового воспоминания, Рид отступил назад, освободив Майю из своих объятий. Иногда его подсознание пыталось вытолкнуть из глубины какие-то моменты прошлого, которые все еще были недоступны. Неправильное извлечение подавителя вызвало приступы мигрени при каждой такой попытке. Но в этот раз все было иначе, что немного странно. Это воспоминание явно было связано с Кейт, он заново просматривал какой-то спор, который не отложился в его памяти.

– Пап, все в порядке? – спросила Майя.

Внезапно раздался звонок в дверь, заставив их обоих подскочить.

– Ах, да, – пробормотал он. – Все хорошо. Наверное, привезли пиццу, – он взглянул на часы и нахмурился. – Слишком быстро. Сейчас вернусь. – Он прошел в прихожую и заглянул в глазок. Снаружи стоял молодой человек с темной бородкой и каким-то пустым взглядом. На нем была красная рубашка поло с логотипом пиццерии.

Несмотря на это, Рид обернулся, чтобы удостовериться, что рядом нет Майи, и засунул руку в карман темно-коричневой кожаной куртки, висевшей на крючке у двери. Там лежал заряженный Глок-22. Сняв предохранитель, Лоусон убрал его за пояс и лишь тогда открыл дверь.

– Доставка для Лоусонов, – со скупающим видом произнес курьер.

– Да, это я. Сколько?

Парень взял обе коробки одной рукой и потянулся к заднему карману. Рид инстинктивно повторил движение.

В этот же момент слева что-то промелькнуло. Краем глаза он заметил, как лужайку его дома торопливо пересекает человек с военной подготовкой. Более того, на бедре виднелась кобура, а правая рука покоилась на рукоятке.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Рид поднял руку, словно инспектор ДПС, останавливающий машину.

– Все хорошо, мистер Томпсон, – крикнул он. – Это всего лишь пицца.

Слегка полноватый мужчина с короткой, седеющей стрижкой остановился прямо посреди лужайки перед домом. Курьер с пиццей перевел взгляд с клиента и впервые за все время проявил хоть какие-то эмоции. Его глаза расширились от шока, когда он увидел пистолет в руке незнакомца.

– Рид, ты уверен? – мистер Томпсон подозрительно изучал курьера пиццы.

– Да.

– Ах, восемнадцать, – удивленно произнес парнишка, медленно вытаскивая чек из кармана.

Рид дал ему двадцать долларов, потом добавил десятку и забрал коробки.

– Сдачи не надо.

Курьеру не пришлось повторять дважды. Он пулей побежал к своей машине, прыгнул внутрь и поспешил уехать. Мистер Томпсон все это время смотрел ему вслед, не отводя презрительный взгляд.

– Спасибо, мистер Томпсон, – повторил Рид. – Это действительно просто пицца.

– Мне не понравился вид этого парня, – пробормотал его сосед. Лоусону очень нравился этот пожилой мужчина, хоть он и считал, что Томпсон принял новую роль, а именно присмотр за их семьей, слишком серьезно. В любом случае, Рид определенно предпочитал того, кто немного переусердствует с наблюдением, нежели человека, плюющего на свои обязанности.

– Осторожность не бывает чрезмерной, – заявил Томпсон. – Как дела у девочек?

– Хорошо, – искренне улыбнулся Рид. – Но... Что ж, вам постоянно нужно носить это с собой? – он указал на пистолет марки «Смит & Вессон», болтавшийся на бедре соседа.

– Ну... да, – смущенно произнес мужчина. – Хоть моя лицензия и истекла, в Вирджинии можно носить оружие вполне официально.

– ... Это факт, – Рид выдавил из себя еще одну улыбку. – Конечно. Еще раз спасибо, мистер Томпсон. Я сообщу, если нам что-нибудь потребуется.

Сосед кивнул и побежал к своему дому прямо по газону. Заместитель директора Картрайт заверил Лоусона, что на этого человека можно положиться. Томпсон был агентом ЦРУ в отставке, ушедшим на отдых уже более двадцати лет назад, за счет чего буквально светился от возможности вновь оказаться полезным.

Рид вздохнул и закрыл за собой дверь. Заперев ее, он снова активировал сигнализацию (что уже стало настоящим ритуалом при каждом открывании и закрывании двери), повернулся и наткнулся на уставившуюся на него Майю.

– И что *это* было? – спросила она.

– Ах, ничего. Мистер Томпсон лишь вышел поздороваться.

– А я уж было подумала, что мы нашли общий язык, – дочь снова скрестила руки на груди.

– Перестань, – усмехнулся Рид. – Томпсон лишь безобидный старикашка...

– Безобидный? Он повсюду носит с собой оружие, – возразила Майя. – И не думай, что я не замечаю, как он наблюдает за нами из своего окна. Такое ощущение, что он следит... – она слегка приоткрыла рот. – О, Боже. Он знает о тебе? Мистер Томпсон тоже шпион?

– Господи, Майя, я *не* шпион...

«*На самом деле, – подумал он, – это именно то, чем ты занимаешься...*»

– Я не верю в это! – воскликнула она. – Поэтому ты заставляешь его сидеть с нами, когда уходишь?

– Да, – тихо признался Рид. Ему не стоило рассказывать ей правду, но и скрывать все, когда дочь дошла до столь явных выводов, не имело особого смысла.

Он ожидал, что она разозлится и начнет обвинять всех вокруг, но Майя лишь покачала головой и пробормотала:

– Это просто нереально. Мой отец – шпион, а наш сосед подрабатывает телохранителем, – затем, к удивлению Рида, дочка крепко обняла его, едва не выбив из рук коробку с пиццей. – Я понимаю, что ты не можешь рассказать мне всего. Но правда была мне нужна.

– Да, да, – пробормотал он. – Просто приходится рисковать международной безопасностью, чтобы оставаться хорошим отцом. А сейчас сходи и разбуди сестру, пока пицца не остыла. И, Майя... Ни слова обо всем этом Саре.

Он прошел на кухню, достал несколько тарелок, салфетки и налил три стакана содовой. Спустя пару минут появилась потиравшая глаза Сара.

– Привет, папуль, – пробормотала она.

– Привет, милая. Присаживайся. Скажи мне, ты хорошо спишь?

– Мм, – неопределенно произнесла она. Взяв кусок пиццы, она откусила и принялась медленно разжевывать.

Рид сильно волновался за дочь, но старался не проявлять этого. Поэтому он просто тоже взял кусочек с колбасами и перцем. Лоусон уже успел открыть рот, почти поднеся еду ко рту, как Майя вдруг вырвала ее у него из рук.

– И что ты делаешь? – требовательно спросила она.

– Ем? Или, по крайней мере, пытаюсь сделать это...

– Нет. Ты помнишь, что у тебя сегодня свидание?

– Что? Нет, оно завтра... – он неуверенно замолчал. – О, Боже, оно ведь сегодня, да? – Рид чуть не ударил себя по лбу.

– Именно, – ответила Майя, собираясь откусить пиццу.

– Тем не менее, это не свидание. Это ужин с другом.

– Хорошо, – пожала плечами Майя. – Но если ты не пойдешь переодеваться, то опоздаешь на этот «ужин с другом».

Рид взглянул на часы. Дочь была права, он планировал встретиться с Марией в пять.

– Брысь отсюда. Иди переодейся, – выгнала его из кухни Майя.

Рид поспешил наверх. Учитывая все происходящее и его постоянные попытки отключиться от собственных мыслей, он практически забыл о том, что пообещал встретиться с Марией. В последние четыре недели они предприняли несколько попыток встретиться, но каждый раз что-то меняло планы то одной, то другой стороны. Честно говоря, как правило, именно он отменял все, выдумывая разные оправдания. Мария, по всей видимости, сильно устала от этого, и не просто запланировала встречу, но и назначила место, примерно на середине пути из Александрии в Балтимор, где жила сама.

Он скучал по ней. Он скучал по ощущению ее близости. Они были не просто напарниками. Между ними были отношения, которые Рид так до конца и не вспомнил. Фактически, в его памяти остались лишь обрывки. Все, что он знал, это то, что в ее присутствии у него появлялось сильное ощущение, что он находится в компании человека, способного позаботиться о нем, друга, которому можно доверять и даже больше.

Лоусон подошел к шкафу и вытащил одежду, которая, по его мнению, прекрасно подходила для этой встречи. Он был поклонником классического стиля, хоть и понимал, что его гардероб отстает примерно лет на десять. В результате он натянул штаны цвета хаки, рубашку с пуговицами и твидовый пиджак с кожаными вставками на локтях.

– И вот в *этом* ты собираешься идти? – раздался удивленный голос Майи. Она стояла в дверном проеме его спальни, прислонившись к косяку и небрежно дожевывая пиццу.

– А что не так?

– Не так то, что ты выглядишь, словно только что вышел со своей лекции. Давай же, – дочь взяла его за руку, подвела обратно к шкафу и принялась рыться в вещах. – Боже, пап, ты одеваешься, как восьмидесятилетний старик...

– Что это значит?

– Ничего! – бросила она. – О, вот, – Майя вытащила черное спортивное пальто, единственное, которое у него было. – Надень его и что-нибудь серое под низ. Или же белое. Футболку или поло. Сними эти папочкины штаны и возьми джинсы. Темные. Зауженные.

Прислушавшись к совету дочери, Рид переоделся, пока она ждала в коридоре. Пора было начинать привыкать к этой странной смене ролей. Сейчас он отец-защитник, а всего через минуту прогибается под давлением проницательной дочери.

– Намного лучше, – резюмировала Майя, как только он вышел из комнаты. – Теперь ты почти похож на человека, который собирается идти на свидание.

– Спасибо, – ответил он. – Хоть это и не свидание.

– Продолжай повторять это. Ведь ты идешь на ужин с загадочной женщиной, которая, как ты утверждаешь, является твоим старым другом, хоть мы никогда не встречали ее и ты ни разу не упоминал о ней...

– Она действительно старый друг...

– И стоит добавить, – перебила его Майя, – что довольно привлекательный. Мы же видели ее, когда она выходила из самолета в Даллесе. Поэтому, если хотя бы один из вас смотрит на все это не как на «старых друзей», то, выходит, что ты идешь на свидание.

– Боже мой, мы с тобой *не* станем обсуждать это, – отрезал Рид. Но все же внутри вспыхнуло явное беспокойство. «Она права. Это свидание». Он так часто занимался умственной гимнастикой в последнее время, что даже ни разу не задумался о том, что на самом деле означает «ужин с напитками» для пары взрослых человек, не состоящих в браке. – Ладно, – кивнул он. – Давай предположим, что это действительно свидание. Что ж... Что мне надо делать?

– Ты меня об этом спрашиваешь? Я не совсем эксперт, – усмехнулась Майя. – Поговори с ней. Постарайся узнать ее лучше. И, пожалуйста, постарайся казаться интересным.

– Извини, но я итак достаточно интересен, – покачал головой Рид, ухмыльнувшись. – Сколько твоих знакомых знают полную историю Булавинского восстания?

– Только один, – закатила глаза Майя. – И *не* вздумай пересказывать это женщине.

Рид усмехнулся и обнял дочь.

– Все будет хорошо, – заверила она.

– У вас тоже, – ответил он. – Я позвоню мистеру Томпсону, чтобы он пришел и...

– Папа, нет! – Майя вырвалась из его объятий. – Хватит. Мне шестнадцать лет. Я вполне могу присмотреть за Сарой пару часов.

– Майя, ты прекрасно знаешь, насколько для меня важно, чтобы вы не оставались одни...

– Пап, от него воняет моторным маслом и все, о чем он хочет говорить, это «старые добрые времена» с морскими пехотинцами, – раздраженно пояснила она. – Ничего не случится. Мы просто посмотрим фильм и поедим пиццу. Сара ляжет спать еще до твоего возвращения. У нас все будет хорошо.

– Я все равно считаю, что мистеру Томпсону стоит прийти...

– Он может следить за нами через свое окно, как обычно. С нами ничего не произойдет. У нас шикарная охранная система, засовы на всех дверях, и я прекрасно знаю о пистолете у входной двери...

– Майя! – воскликнул Рид.

«Как она узнала о нем?»

– Не вздумай лезть в это, поняла?

– Я и не собираюсь им пользоваться, – ответила она. – Я просто сказала тебе, что знаю о его существовании. Пожалуйста. Позволь мне доказать, что я могу справиться сама.

Риду совершенно не нравилась идея оставить девочек дома одних, но дочь практически умоляла.

– Перескажи мне план побега, – сказал он.

– Целиком? – запротестовала она.

– Целиком.

– Ладно, – Майя откинула волосы за плечо, как поступала всегда, если что-то ее раздражало. Уставившись в потолок, она принялась монотонно повторять план действий, который они согласовали с Ридом сразу после переезда в новый дом. – Если кто-то приблизится к входной двери, первым делом я должна проверить, запущена ли сигнализация и заблокированы ли засовами двери. После этого я смотрю в глазок, проверяя, знаю ли я стоящего на крыльце человека. Если нет, то звоню мистеру Томпсону и прошу его разобраться.

– А если там оказывается кто-то знакомый? – подтолкнул он.

– Если там стоит кто-то из знакомых, – напряженно продолжила Майя, – то я незаметно проверяю боковое окно, чтобы удостовериться, что нет засады. Если вдруг окажется, что она есть, я звоню мистеру Томпсону, чтобы он пришел и разобрался.

– А если кто-то попытается силой проникнуть в дом?

– Тогда мы спускаемся в подвал и прячемся в «комнате страха», – ответила она. Одной из первых реконструкций Рида после переезда стала замена двери в маленькой комнатке на новую со стальным сердечником. На ней было три тяжелых засова и петли из алюминиевого сплава. Само полотно было пуленепробиваемым и огнеупорным, а специалист из ЦРУ, который занимался установкой, заверил, что для ее вскрытия потребуется десяток спецназовцев. В результате маленький тренажерный зал превратился в импровизированную комнату страха.

– А потом? – снова подтолкнул он.

– Сначала мы звоним мистеру Томпсону, – продолжила дочь. – И только после этого в девять-один-один. Если мы забудем свои телефоны или же не успеем взять их, то в подвале есть выделенная телефонная линия с запрограммированным номером соседа.

– А если кто-то проникнет в дом и вы не успеете добраться до подвала?

– Тогда мы идем к ближайшему доступному выходу, – пробубнила Майя. – Выбравшись на улицу, стараемся создать максимум шума.

Томпсон был достаточно сложным человеком, но обладал превосходным слухом. Как-то вечером Рид с детьми смотрел боевик по телевизору, включив звук слишком громко. И сосед прибежал на звук, решив, что слышал подавленные выстрелы.

– Телефоны всегда должны быть с нами, чтобы мы могли позвонить, как только окажемся в безопасности.

Рид одобрительно кивнул. Она пересказала весь план, за исключением маленькой, но не менее важной детали.

– Ты кое-что забыла.

– Нет, не забыла, – нахмурилась дочь.

– Как только вы добираетесь до безопасного места, звоните Томпсону и в полицию...?

– Ладно. Затем мы звоним тебе и сообщаем о случившемся.

– Хорошо.

– Хорошо? – Майя вопросительно приподняла бровь. – Настолько хорошо, что ты позволишь нам остаться одним?

Риду все равно не нравилось это решение. Но он прекрасно понимал, что уедет всего на пару часов, а по соседству будет оставаться Томпсон.

– Да, – наконец, произнес он.

– Спасибо, – Майя облегченно вздохнула. – Все будет хорошо, клянусь, – она снова мельком обняла его и повернулась к лестнице, но в последний момент вспомнила что-то еще. – Могу я задать последний вопрос?

– Конечно. Но не обещаю, что отвечу на него.

– Ты собираешься начать... ездить в командировки снова?

Рид вздохнул. Ее очередной вопрос застал его врасплох. ЦРУ действительно предложило ему вернуться. По факту, Директор Национальной разведки лично требовал, чтобы Кента Стила полностью восстановили. Но Рид пока не дал ответ, а Управление не давило. Практически все это время он старался не думать на данную тему.

– Я... Очень хотел бы сказать, что нет. Но правда заключается в том, что я не знаю ответ. Пока еще не решил, – он на секунду замолчал, а затем продолжил. – Как бы ты среагировала, если бы я вернулся?

– Хочешь знать мое мнение? – удивилась она.

– Да, хочу. Ты действительно являешься едва ли не самым умным человеком из всех, кого я знаю, поэтому твое мнение много значит для меня.

– Я имею в виду... С одной стороны, это очень круто, учитывая, что я теперь знаю...

– Учитывая то, что ты *думаешь*, ты знаешь, – поправил ее Рид.

– Но все это очень страшно. Я прекрасно понимаю, что ты сильно рискуешь и в любой момент можешь пострадать или... или еще хуже, – Майя ненадолго замолчала. – Тебе нравится это? Работать на них?

Рид не стал отвечать прямо. Дочка была права. Последнее испытание, через которое ему пришлось пройти, было ужасным и неоднократно угрожало не только его жизни, но и жизни его девочек. Он бы не вынес, случись с ними что-то плохое. Но правда была жестокой. Одна из основных причин, по которой он старался занять себя чем-то в последнее время, заключалась в том, что ему *действительно* нравилась эта работа и он скучал по ней. Кент Стил жаждал погони. Был момент, когда все только началось, когда он оправдывался тем, что его разум делят сразу два человека, но это было не правдой. Кент Стил – всего лишь псевдоним. Именно *он* жаждал всего этого. Именно он скучал по работе. Это была такая же его часть, как и преподавание в университете, и воспитание двоих детей. Хоть воспоминания и были нечеткими, они все же являлись частью его личности, его индивидуальности. А без них Рид становился похож на спортсмена, закончившего карьеру из-за полученной травмы. В его голове возникал лишь один вопрос: *«Кто я, если не он?»*

Лоусону совершенно не нужно было отвечать на вопрос. Майя итак смогла все понять по его отрешенному взгляду.

– Как там ее зовут? – внезапно спросила она, меняя тему разговора.

– Мария, – смущенно улыбнулся Рид.

– Мария, – задумчиво повторила дочь, спускаясь вниз. – Ладно. Удачи на свидании.

Рид дернулся было за ней, но вдруг ему в голову пришла еще одна мысль. Он открыл верхний ящик комода и принялся рыться в дальней его части, пока не нашел то, что искал – старый флакон дорогого одеколona, которым не пользовался последние два года. Это был любимый запах Кейт. Сняв крышку, Рид принюхался и ощутил, как по спине пробежали мурашки. Знакомый, мускусный аромат, который нес в себе поток прекрасных воспоминаний.

Слегка брызнув на запястье, он приложил его к каждой стороне шеи. Запах был гораздо более резким, нежели он помнил, но приятным.

Вдруг в голове вспыхнуло следующее воспоминание.

«Кухня в Вирджинии. Кейт очень злится, указывая на что-то на столе. Она не просто злится, она еще и напугана. «Зачем тебе это, Рид? – обвинительно восклицает она. – Что, если кто-нибудь из девочек наткнется? Ответь мне!»

Он вытряхнул видение из головы до того, как оно вызвало приступ мигрени, но легче от этого не стало. Лоусон не мог вспомнить, когда и из-за чего возникла та ссора. Они с Кейт очень редко спорили, а в этом воспоминании она выглядела еще и напуганной. Напуганной то

ли тем, из-за чего они ссорились, то ли *им* самим. Он же никогда не давал ей причин бояться чего-либо. По крайней мере, он не помнил подобного...

Рида осенило и его руки затряслись. Раз он не мог вспомнить какой-то момент, это означало, что его, скорее всего, целенаправленно подавили имплантатом. Но почему вообще Агент Зеро решил стереть воспоминания о Кейт?

– Пап! – раздался снизу голос Майи. – Ты опоздаешь!

– Да, – пробормотал он. – Иду.

Пора столкнуться с реальностью и принять, что либо ему стоит найти решение своей проблемы, либо начать привыкать к тому, что случайно всплывающие воспоминания будут постоянно выскакивать и сбивать его с толку.

Но об этой реальности он подумает позже. Сейчас ему стоит сдержать обещание.

Рид спустился со второго этажа, поцеловал каждую дочь в лоб и направился к машине. Прежде чем отойти от крыльца, он убедился, что Майя включила сигнализацию, и только потом запрыгнул в свой серебристый внедорожник, который приобрел всего пару недель назад.

Несмотря на то, что он сильно нервничал и явно волновался из-за предстоящей встречи с Марией, Рид все же никак не мог скинуть груз с плеч. Он чувствовал, что оставить девочек дома одних, даже на такой короткий промежуток времени, было очень плохой идеей. Если события предыдущего месяца чему-то его и научили, так это тому, что желающих причинить ему боль было слишком много.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

– Как вы себя чувствуете сегодня, сэр? – вежливо спросила дежурившая медсестра, заходя в его палату. Он знал, что ее зовут Елена и что она швейцарка, хоть и говорила на ломанном английском. Девушка была молоденькой и миниатюрной. Большинство назвали бы ее довольно симпатичной и приятной особой.

Раис не ответил. Он никогда этого не делал. Он просто наблюдал, как она поставила пластиковый стаканчик на его прикроватную тумбочку и принялась тщательно осматривать раны. Он также понимал, что вся ее жизнерадостность была своеобразным прикрытием страха. Он знал, что ей совершенно не нравится оставаться с ним наедине в палате, несмотря на пару вооруженных охранников за дверью, наблюдавших за каждым его движением. Ей же не хотелось лечить его, а тем более болтать с ним.

Никому этого не хотелось.

Медсестра Елена внимательно осмотрела его раны. Было видно, что она нервничала, находясь слишком близко. Все знали, что он творил, что он убивал во имя Амона.

«Они бы еще большие перепугались, если бы узнали, сколько я убил», – прикинул он.

– Вы прекрасно восстанавливаетесь, – сообщила она. – Гораздо быстрее, чем предполагалось, – она повторяла это каждый вечер, что лично он воспринимал как «надеюсь, ты скоро уберешься отсюда».

Для самого Раиса это было не лучшей новостью, поскольку он прекрасно понимал, что стоит ему достаточно поправиться, чтобы покинуть это место, как его, скорее всего, тут же отправят в ужасное, сырое подземелье ЦРУ где-нибудь посреди пустыни, и будут пытаться ради получения информации, нанося еще больший урон день за днем.

Как Амон мы переносим все стойко. На протяжении более десяти лет это была его неизменная мантра, но теперь все изменилось. Насколько Раис понял, Амона больше не существовало. Их заговор в Давосе с треском провалился, лидеры были либо задержаны, либо убиты, и каждый отдельный полицейский в любой точке мира знал о метке, то есть символе Амона, который все члены группировки выжигали на коже. Раису запрещено было смотреть телевизор, но он получал достаточно информации от своих вооруженных охранников, которые слишком много болтали (и долго, что безумно раздражало Раиса).

Он лично вырезал свою метку, прежде чем его доставили в больницу Сьона, но это ни капли не помогло. Агенты итак знали, кем он был и что сделал. Но зазубренный, пятнистый, розовый шрам на руке теперь ежедневно напоминал ему о том, что Амона больше нет, как и смысла в его мантре.

«Я переносу все стойко».

Елена взяла с тумбочки пластиковый стаканчик с холодной водой и трубочкой.

– Хотите пить?

Раис не ответил, но слегка наклонился вперед, приоткрыв рот. Девушка осторожно подставила трубочку. Она держала стаканчик на максимальном расстоянии от себя, лишь слегка согнув руки в локтях и откинувшись при этом немного назад. Она переживала. Четыре дня назад Раис попытался укунить доктора Гербера. Он умудрился поцарапать зубами кожу на шее врача, но даже не прокусил ее. Зато получил трещину в челюсти от одного из своих охранников.

В этот раз Раис ничего не пытался сделать. Он пил длинными, медленными глотками через трубочку, наслаждаясь страхом девушки и явным напряжением двух копов, которые следили за ними. Закончив, он откинулся назад. Медсестра вздохнула с облегчением, даже не пытаясь скрыть это.

«Я переносу все стойко».

За последние четыре недели он действительно перенес немало. Среди прочего была нефрэктомия, которую провели для удаления проколотой почки. Затем была вторая операция по удалению части разорванной печени. Третий наркоз поставили, чтобы убедиться, что все остальные жизненно важные органы не повреждены. Несколько дней он провел в реанимации, а затем его перевели в хирургическое отделение, но встать с кровати он не мог, поскольку был прикован наручниками. Медсестры разворачивали его, меняли постельное белье и создавали максимальный комфорт в подобной ситуации, но ему было запрещено вставать, садиться и даже двигаться по собственному желанию.

Все семь ножевых ранений в спину и одно в область грудной клетки были зашиты и, как постоянно напоминала ему дежурившая ночью медсестра Елена, прекрасно заживали. Тем не менее, врачи мало что могли придумать с повреждением нервов. Периодически вся спина до плеч немела, а иногда потеря чувствительности доходила до бицепсов. В эти моменты он совершенно ничего не ощущал, словно эти части тела принадлежали кому-то другому.

А иногда бывало и так, что он просыпался с неистовым криком, поскольку тело пронзала настолько жгучая боль, словно он получал удар молнии. Ощущение не длилось долго, но было острым, сильным и никто не мог предсказать, когда наступит следующий этап. Врачи прозвали эти эпизоды «жалами». Данный побочный эффект иногда наблюдался у людей с такими же обширными повреждениями нервов. Его заверили, что эти «жала» со временем уменьшаются, а затем и вовсе проходят, но когда это произойдет, не знал никто. Зато ему очень повезло, что не было повреждений спинного мозга, да и вообще, он чудом выжил с такими ранениями.

«Да уж, повезло», – с горестью подумал он. Очень повезло, что как только он выздоровеет, то сразу же попадет в руки ЦРУ. Повезло, что все, ради чего он жил и работал, исчезло с лица Земли всего за один день. Повезло, что его даже не раз, а два победил Кент Стил, человек, которого он искренне ненавидел всеми фибрами своей души.

«Я переносу все стойко».

Прежде чем выйти из палаты, Елена поблагодарила по-немецки двух офицеров и пообещала принести им кофе, когда вернется. Как только она ушла, они снова заняли свои позиции за дверью, которая всегда оставалась открытой, и вернулись к обсуждению какого-то недавно прошедшего футбольного матча. Раис достаточно хорошо владел немецким языком, но, засчет особенностей швейцарско-немецкого диалекта и скорости, на которой они говорили, смысл периодически ускользал от него. Офицеры дневной смены общались на английском языке, благодаря чему он и получал столько информации о происходящем за пределами его палаты.

Оба парня являлись офицерами Федеральной полиции Швейцарии, что автоматически обуславливало круглосуточное наблюдение и присутствие двух охранников у его палаты двадцать четыре часа в сутки. Они менялись каждые восемь часов, а по пятницам и выходным появлялись новые лица. Их всегда было двое. Всегда. Если одному из них необходимо было отойти в туалет или перекусить, то сначала они звонили диспетчеру, дожидались появления одного из охранников больницы и только потом имели право отойти. Большинство пациентов в таком же состоянии или на той же стадии выздоровления отправлялись уже в травматологический центр, но Раис оставался в больнице. Сам по себе данный объект был более безопасным, учитывая запирающиеся подразделения и вооруженную охрану.

Их всегда было двое. Всегда. И Раис понимал, что это может сыграть ему на руку.

У него было много времени, чтобы спланировать свой побег, особенно в последние дни, когда количество препаратов снизили и он смог мыслить более ясно. Он прорабатывал в голове несколько сценариев, снова и снова разбирая их пошагово. Он запоминал графики и подслушивал разговоры. Оставалось не так уж много времени до выписки. Максимум несколько дней.

Пора действовать. И он решил, что все должно произойти этой ночью.

Его охранники, спустя несколько недель, проведенных за дверями палаты, совершенно успокоились. Они звали его «террористом» и были в курсе, что он являлся киллером, но

помимо незначительного инцидента с доктором Гербером, произошедшего пару дней назад, Раис, в основном, вел себя тихо и неподвижно лежал, позволяя персоналу выполнять свои обязанности. Если в палату никто не заходил, то офицеры практически не уделяли ему никакого внимания, лишь изредка бросая на него взгляд.

Он не пытался укунить доктора назло или ради шутки, он сделал это из-за необходимости. Гербер в тот момент склонился над ним, осматривая рану на руке, где Раис срезал метку Амона, а карман белого медицинского халата доктора коснулся пальцев его прикованной руки. Он дернулся, шелкнув челюстью по шее доктора, и тот испуганно отскочил назад.

Так перьевая ручка и попала к Раису.

Один из дежуривших тогда офицеров нанес ему сильный удар прямо в лицо. В этот же момент Раис быстро просунул ручку под простыни, спрятав ее за левым бедром. Там, спрятанная в постельном белье, она и пролежала целых три дня до прошлой ночи. Он вытащил ее, пока охранники болтали в коридоре. Одной рукой и даже не видя, что делает, Раис открутил наконечник и вытащил стержень, стараясь делать все медленно и аккуратно, чтобы не оставить след от чернил. Классическая ручка имела золотистый и довольно острый наконечник. Раис убрал его обратно в постельное белье. На более длинной половинке ручки имелся карманный зажим, который он отводил туда-обратно большим пальцем, пока тот не оторвался.

Засчет наручников его левое запястье обладало подвижностью чуть менее тридцати сантиметров, но если вытянуть руку до предела, то Раис мог дотянуться до края прикроватной тумбочки. Столешница из ДСП была простой и глянцевой, но нижняя ее часть оставалась шероховатой, словно наждачная бумага. Старательно изображая стоны на протяжении четырех часов прошлой ночью, Раис осторожно натирал зажим о грубую часть стола, стараясь не шуметь. При каждом движении он переживал, что этот маленький кусочек может выпасть из его рук или же охранники заметят движение, но свет в его палате был выключен, а офицеры были слишком заинтересованы беседой. Он все продолжал тереть, пока не заточил зажим до состояния иглы. Затем это импровизированное оружие снова исчезло под простынями, присоединившись к наконечнику.

Из подслушанных фрагментов разговоров ему удалось узнать, что сегодня ночью в хирургическом отделении будут дежурить три медсестры, включая Елену, а также две на вызове. Вместе с его охранниками выходило от пяти до семи человек, с которыми ему предстоит иметь дело.

Никому из медперсонала не нравилось работать с Раисом, поскольку все они знали, кем он является, а потому проверяли его не особо часто. После последней такой проверки Еленой у него было от часа до полутора в запасе.

Его левая рука была закреплена в стандартной больничной повязке, которую врачи прозвали «крестом». Она состояла из мягкой синей манжеты, туго обмотанной вокруг запястья и перетянутой белым нейлоновым ремешком, крепко привязанным другим концом к стальному основанию кровати. Засчет тяжести совершенных преступлений, правая рука также была пристегнута наручниками.

Снаружи пара охранников болтала по-немецки. Раис внимательно слушал. Тот, что слева, Лука, судя по всему, жаловался, что его жена растолстела. Раис чуть не рассмеялся. Сам Лука был далек от идеала. Второй парень, Элиас, был гораздо моложе и спортивнее, но пил кофе в таких дозах, которые для большинства людей оказались бы смертельными. Каждую ночь, когда проходило от полутора до двух часов их смены, Элиас вызывал охранника больницы, чтобы немного отдохнуть. Он выходил на улицу перекурить, а затем шел в туалет, что вместе занимало от восьми до одиннадцати минут. Последние несколько ночей Раис внимательно высчитывал секунды отсутствия Элиаса.

Окно для действий было достаточно узким, но он был готов.

Нащупав в постельном белье заостренный зажим, Раис взял его кончиками пальцев левой руки и осторожно перебросил через собственное тело. Импровизированное оружие приземлилось четко на ладонь правой руки.

Следующая часть его плана была самой сложной. Вытянув руку, он тем самым натянул цепь и, удерживая ее в таком положении, повернул запястье, чтобы воткнуть заостренный зажим в замочную скважину наручников, прикрепленных к стальному каркасу. Процесс был сложным и неудобным, но он уже неоднократно снимал с себя наручники. Механизм был спроектирован таким образом, чтобы любая пара открывалась универсальным ключом. Раис был знаком с внутренней частью замка, а потому ему предстояло лишь правильно отрегулировать положение, чтобы активировать штифты. Тем не менее, ему пришлось постоянно держать цепь натянутой, чтобы наручники не звякнули о перила и не оповестили охранников о предстоящей опасности.

Потребовалось целых двадцать минут, в течение которых Раис бесконечно поворачивал и выворачивал руку, периодически давая пальцам передохнуть, пытаясь снова и снова взломать замок. Наконец раздался характерный щелчок и наручник открылся. Раис осторожно снял его с перил.

Первая рука была свободна.

Он развернулся и спешно отстегнул удерживающее устройство слева.

Теперь в его распоряжении были обе руки.

Снова спрятав зажим в постельном белье, он достал верхнюю часть ручки, взяв ее так, чтобы из кулака выходил лишь острый кончик.

Молодой охранник, стоявший за дверью, резко поднялся на ноги. Раис задержал дыхание и сделал вид, что спит, пока Элиас рассматривал его из коридора.

– Можешь вызвать Фрэнсиса? – по-немецки спросил он. – Хочу отлить.

– Конечно, – ответил Лука, слегка зевнув. Он связался по рации с ночным сторожем, который сидел за стойкой регистрации на первом этаже. Раис уже много раз видел этого Фрэнсиса – пожилого мужчину лет шестидесяти, а может и чуть больше, с тонкой бородкой на лице. У сторожа имелся пистолет, но двигался он слишком медленно, чтобы представлять собой хоть какую-то опасность.

Именно на это Раис и надеялся. Ему не особо хотелось драться с молодым копом, поскольку сам он еще не до конца восстановился.

Спустя три минуты к ним подошел Фрэнсис в своей белой форме с черным галстуком. Элиас отправился передохнуть. Мужчины за дверью поздоровались и сторож с тяжелым вздохом уселся на стул отскочившего на пару минут охранника.

Настало время действовать.

Раис аккуратно пододвинулся к краю кровати и встал босыми ногами на холодную плитку. Конечно, он не ходил уже некоторое время, но был уверен, что мышцы не успели атрофироваться до состояния, которое помешает ему сбежать.

Он стоял, пытаясь снова привыкнуть к этому ощущению, как вдруг его ноги подкосились. Схватившись за край кровати, чтобы удержаться, он быстро повернулся к двери. Никто не появился. Разговор продолжался. Ни один из охранников ничего не заметил.

Раис, тяжело дыша и пошатываясь, выпрямился и сделал несколько тихих шагов. Да, ноги плохо слушались, но у него всегда открывалось второе дыхание, когда это было необходимо. Больничный халат прилип к телу, обнажив спину. Даже столько незначительная одежда сейчас сильно мешала Раису, поэтому он просто сбросил ее, оставшись абсолютно нагим в больничной палате.

Остановившись с острием в руке прямо у стены возле дверного проема, он тихо при- свистнул.

Оба охранника отреагировали на звук, что было очевидно по резкому скрежету ножек стульев, когда они подскочили на ноги. Лука загородил собой проход, уставившись на темную комнату.

– *О, Господи!* – пробормотал он по-немецки, поспешно забегая в палату, заметив пустую кровать.

Фрэнсис проследовал за ним, положив руку на кобуру.

Как только второй охранник пересек порог, Раис выскочил вперед. Он воткнул наконец-то в горло Луки и прокрутил, разрывая на части сонную артерию. Из открытой раны ручьем полилась кровь, брызнув даже на противоположную стену.

Отпустив свое самодельное оружие, Раис бросился к Фрэнсису, который пытался достать пистолет. *Растянуть, достать, снять с предохранителя, прицелиться.* Реакция пожилого сторожа была слишком медленной и стоила ему нескольких драгоценных секунд, которых итак не было.

Раис нанес два удара – восходящий чуть ниже пупка и нисходящий по солнечному сплетению. Первый, как правило, вызывал резкий приток воздуха в легкие, а второй, наоборот, заставлял выдохнуть. Такой внезапный смешанный эффект в большинстве случаев влиял на зрение и зачастую приводил к потере сознания.

Фрэнсис, будучи не в состоянии дышать, пошатнулся и упал на колени. Раис встал позади и одним четким движением сломал шею пожилому охраннику.

Лука, схватившись за горло обеими руками, истекал кровью, издавая лишь булькающие звуки и приглушенные вздохи. Раис наблюдал за процессом, отсчитав одиннадцать секунд, прежде чем соперник потерял сознание. Учитывая обильное кровотечение, жить ему оставалось не более минуты.

Быстро достав у обоих охранников оружие, Раис положил его на кровать. Следующий этап его плана был не так уж и прост. Ему предстояло незаметно пробраться по коридору к кладовке, где хранилась одежда медперсонала. Не стоило покидать больницу в столь приметной униформе Фрэнсиса или же залитой кровью Луки.

Внезапно из коридора послышался мужской голос и Раис замер.

Это был второй охранник, Элиас. *Так рано?* Раис запаниковал. Затем он услышал еще один голос. Медсестра Елена. По всей видимости, Элиас пропустил перекур, чтобы поболтать с молоденькой медсестрой и теперь они оба шли по коридору к его палате. Уже через пару секунд они подойдут к двери.

Он не хотел убивать Елену. Но если на весах с ее жизнью будет висеть и его, то ей придется умереть.

Раис подскочил к кровати и схватил один из пистолетов левой рукой. Это был черный Зиг Р220 45 калибра. От прикосновения к оружию внутри тут же появилось знакомое, приятное ощущение. Правой рукой он поднял раскрытую половину наручников и принялся ждать.

Голоса в коридоре затихли.

– Лука? – позвал Элиас. – Фрэнсис?

Молодой охранник растянул кобуру и, положив руку на пистолет, вошел в темную палату. Елена шла прямо за ним.

При виде двух трупов глаза Элиаса расширились от ужаса.

Раис бросил открытые наручники в шею соперника, тем самым отвлекая его, и тут же дернул за руку. Вонзив металл в запястье охранника, он ощутил, как раны на спине пронзила адская боль, но проигнорировал ее, вырывая горло молодого парня. Кровь полетела во все стороны, ручьем стекая по руке убийцы.

– Не ори, – произнес он быстро и тихо, прижав дуло пистолета ко лбу Елены. – Не вздумай кричать. Будешь молчать – останешься жива. Издашь хоть звук и умрешь. Поняла меня?

Из губ Елены вырвался тонкий писк, но она попыталась подавить рыдания. Она кивнула и на ее глаза тут же навернулись слезы. Элиас упал лицом на кафельный пол.

Раис оглядел медсестру с ног до головы. Девушка была миниатюрной, но ее форма, перетянутая эластичным поясом, оказалась немного великовата.

– Снимай одежду, – приказал он.

Рот Елены раскрылся в ужасе.

Раис усмехнулся, хотя, ее сомнения можно было запросто понять. В конце концов, он все еще стоял совершенно голым.

– Я не такой монстр, – заверил он ее. – Мне нужна одежда. И повторять дважды я не стану.

Дрожа от страха, девушка стянула верхнюю часть через голову и быстро выпрыгнула из штанов, даже не снимая кроссовки, поскольку стояла в луже крови Элиаса.

Раис взял вещи и принялся неловко одеваться, поскольку не мог убрать оружие с девушки. Рубашка оказалась слишком облегающей, а штаны слегка коротковаты, но все же лучше, чем ничего. Он сунул пистолет за пояс и поднял второй с кровати.

Елена стояла в одном нижнем белье, неуверенно прикрываясь руками. Раису в голову пришла интересная мысль. Он взял свой больничный балахон и протянул ей.

– Прикройся. И ложись в кровать.

Как только она выполнила его команду и легла, Раис снял ключи с ремня Луки и открыл наручники. Обвив их вокруг стального каркаса, он защелкнул манжеты на руках Елены.

Ключ он положил на самый дальний угол тумбочки, вне зоны ее досягаемости.

– Кто-нибудь освободит тебя после моего ухода, – сказал он. – Но для начала мне нужно получить ответы на несколько вопросов. Говори правду, иначе я вернусь и прикончу тебя. Поняла меня?

Медсестра неистово закивала, по ее глазам покатались слезы.

– Сколько здесь сегодня медперсонала?

– П-пожалуйста, не убивайте их, – запинаясь, произнесла она.

– Елена. Сколько здесь сегодня ночью дежурит медсестер? – повторил он.

– Д-двое, – всхлипнула она. – Томас и Миа. Но Том на перерыве. Он должен был спуститься вниз.

– Хорошо, – он обратил внимание на бейджик размером с кредитную карту, прикрепленный к его груди. С лицевой стороны было маленькое фото Елены, а с оборотной – простирающаяся по всей длине черная лента. – Это подразделение закрывают на ночь? Твой бейджик является ключом?

Она кивнула и снова всхлипнула.

– Хорошо, – он также убрал второй пистолет за пояс медицинских штанов, а затем встал на колени возле тела Элиаса. Сняв с покойного ботинки, Раис надел их. Они были слегка узковаты, но для побега вполне подойдут. – И последний вопрос. Ты знаешь, какая машина у Фрэнсиса? Ночного сторожа? – он указал на мертвого мужчину в белой униформе.

– Я... Я не уверена... Вроде... грузовик.

Раис порылся в карманах Фрэнсиса и достал оттуда ключи. На кольце висел блок сигнализации, что поможет с легкостью отыскать машину.

– Спасибо за честность, – кивнул он, а затем оторвал кусок тряпки от простыни и засунул ей в рот.

Коридор был пуст и ярко освещен. Медленно продвигаясь вперед, Раис держал Зиг в руке, скрывая его за спиной. Наконец, он добрался до более широкого участка с П-образной стойкой, за которой обычно располагались медсестры. Там же находился и выход. Спиной к Раису за компьютером сидела брюнетка в круглых очках.

– Повернитесь, пожалуйста, – произнес он.

Обомлевшая женщина развернулась в кресле, наткнувшись на пациента-преступника в медицинской одежде с окровавленной рукой, в которой тот держал направленный на нее пистолет. Она затаила дыхание, буквально выпучив от шока глаза.

– Ты, должно быть, Миа, – сказал Раис. Его собеседнице было около сорока, но темные круги под широко раскрытыми глазами были уже слишком велики. – Подними руки.

Она сделала так, как ей велели.

– Что случилось с Фрэнсисом? – тихо спросила она.

– Фрэнсис мертв, – беспристрастно ответил Раис. – Если хочешь присоединиться к нему, выкини что-нибудь резкое. Но если хочешь жить, то слушай внимательно. Я собираюсь выйти через эту дверь. Как только она закроется за мной, ты медленно досчитаешь до тридцати. Затем ты пойдешь в мою палату. Елена еще жива, но ей нужна твоя помощь. Только после этого ты можешь действовать согласно вашему протоколу. Поняла меня?

Медсестра кивнула один раз.

– Ты даешь мне слово, что будешь действовать по этому плану? Я предпочитаю не убивать женщин, если того не требует ситуация.

Она снова кивнула, но чуть медленнее.

– Хорошо, – он обогнул стойку, снял бейджик с рубашки и провел им через слот для карт, висевший справа у двери. Огонек сменился с красного на зеленый и замок в двери щелкнул. Раис открыл дверь, еще раз взглянул на Мию, которая, не мигая, смотрела на него, наблюдая, как дверь медленно закрывается.

И тогда он побежал.

Раис мчался по коридору, снова засунув Зиг за пояс своих штанов. Перепрыгивая через две ступеньки за раз, он быстро спустился на первый этаж и выскочил через боковую дверь в тихую швейцарскую ночь. Свежий, холодный воздух бросился ему в лицо, словно отрезвляющий душ, и Раису потребовалось немного времени, чтобы перевести дыхание.

Ноги дрожали, готовые вот-вот предать его снова. Адреналин быстро исчезал, а мускулы напоминали о том, что еще слишком слабы. Вытащив из кармана штанов ключи Фрэнсиса, Раис нажал на красную кнопку пульта управления сигнализацией. Раздался звук разблокировки и фары внедорожника несколько раз моргнули. Он быстро отключил сигнализацию и поспешил к машине.

Раис прекрасно понимал, что эту машину будут искать, но надолго она ему не нужна. Он бросит ее, найдет новую одежду и с утра отправится на почту, где хранилось все, что нужно для побега из Швейцарии под вымышленным именем.

И как только он полностью восстановит силы, то найдет и прикончит Кента Стила.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Только отъехав с подъездной дорожки на встречу с Марией, Рид тут же набрал номер Томпсона, чтобы попросить его понаблюдать за их домом.

– Решил позволить девочкам проявить немного самостоятельности сегодня вечером, – пояснил он. – Я ненадолго. Но все равно держите ухо востро и не спускайте с них глаз, договорились?

– Конечно, – согласился немолодой сосед.

– И еще, если вдруг что-то произойдет, тут же идите к ним.

– Хорошо, Рид.

– Если вдруг не будете их видеть или засомневаетесь, можете прийти к нам или позвонить на домашний...

– Не волнуйся, я понял, – усмехнулся Томпсон. – И они тоже. Девочки уже подростки. Им нужно немного личного пространства. Наслаждайся вечером.

Рид решил, что при должном внимании Томпсона и решимости Майи доказать свою самостоятельность, он действительно может спокойно отдохнуть, зная, что девочки находятся в полной безопасности. Часть его, конечно же, прекрасно понимала, что напряжение не исчезнет и он будет думать об этом на протяжении всего свидания.

Чтобы добраться до места назначения, Лоусону пришлось включить навигатор на своем телефоне. Он пока еще плохо знал и Александрию, как таковую, и близлежащие места, что нельзя было сказать о Марии, которая выучила все дороги наизусть, благодаря близости Лэнгли и штаб-квартиры ЦРУ. Несмотря на это, она выбрала место, где никогда раньше не бывала, вероятно, чтобы они были полностью равны.

По дороге Рид умудрился пропустить два поворота, хотя звуковое сопровождение навигатора подсказывало, куда и когда сворачивать. Но весь путь он раздумывал над странными воспоминаниями, которые дважды вспыхнули в его памяти. Первое проявило себя, когда Майя поинтересовалась, знала ли Кейт о его работе, а второе – когда он ощутил запах одеколона, который любила его покойная жена. Эти мысли все продолжали крутиться в глубине его подсознания, постоянно сбивая с пути, хоть он и пытался сосредоточиться на дороге.

Причина, по которой он почувствовал неладное, заключалась в том, что все остальные воспоминания о Кейт были очень яркими и четкими. В отличие от Кента Стила, супруга никогда не оставляла его. Он прекрасно помнил, как они познакомились. Помнил, как они ходили на свидания, ездили в отпуск и покупали свой первый дом. Помнил их свадьбу и рождение детей. Он даже помнил все ссоры. Во всяком случае, думал, что помнил.

Одна лишь мысль о том, что он стер из памяти даже мельчайший момент с Кейт, шокировала его. Подавитель памяти уже успел доказать, что обладал определенными побочными эффектами, вроде резкой головной боли, вызываемой вспышками воспоминаний. Все же не стоило забывать, что данная процедура являлась экспериментальной, а метод удаления имплантата был очень далек от хирургического.

«Что, если я лишился чего-то большего, чем части жизни Агента Зеро?»

Ему совершенно не нравилась эта идея, ведь такая дорожка была достаточно скользкой. Он даже начал задумываться, что мог забыть что-то важное из прошлого со своими девочками. Но что еще хуже, Рид не мог знать об этом наверняка, если память не восстановится целиком.

Лоусон пытался думать обо всем этом сразу и почувствовал, что снова начала болеть голова. Он включил радио и настроил его, стараясь отвлечься от собственных мыслей.

Когда он подъехал к парковке ресторана, точнее гастропаба под названием «Дверь в погреб», начинало уже смеркаться. Рид слегка опоздал. Он быстро вышел из машины и побежал к центральному входу.

Но резко остановился.

Мария Йоханссон была американкой шведского происхождения в третьем поколении, а ее прикрытием от ЦРУ стали бухгалтерские услуги в Балтиморе, хоть Рид и считал, что лучше было выбрать модельный бизнес, при котором ее лицо мелькало бы на обложках журналов или же на первом развороте. При его росте метр восемьдесят, она была всего на три или пять сантиметров ниже, а длинные, прямые, светлые волосы опускались до плеч. Ее глаза цвета серой стали были очень живыми. Мария стояла на улице в простом темно-синем платье с глубоким V-образным вырезом и легкой белой шалью на плечах, хотя было всего десять градусов тепла.

Она заметила Рида сразу, как только он приблизился, и на ее губах заиграла улыбка.

– Привет. Давно не виделись.

– Я... Вау, – только и выпалил он. – Я имел в виду, хм... Ты выглядишь просто потрясающе, – до него вдруг дошло, что он никогда раньше не видел Марию с макияжем. Синие тени для глаз хорошо гармонировали с платьем и добавляли блеска глазам.

– Ты тоже неплохо, – одобрительно кивнула она, подчеркивая его внешний вид. – Зайдем внутрь?

«Спасибо, Майя», – подумал он.

– Да. Конечно же, – он подскочил к двери и открыл ее перед своей спутницей. – Но прежде, чем мы это сделаем, позволь задать тебе один вопрос. Что, черт возьми, значит «гастропаб»?

– Думаю, это то, что мы привыкли называть забегаловкой, но с более изысканным меню, – рассмеялась Мария.

– Понял.

Внутри было бы уютно, имей это место чуть большие размеры. Стены были отделаны декоративным кирпичом, а на потолке виднелись деревянные балки. Освещение было выполнено в стиле лампочек Эдисона, что создавало теплую и слегка приглушенную атмосферу.

«Почему я так нервничаю?» – подумал Рид, как только они уселись за столик. Он знал эту женщину. Они вместе помешали международной террористической организации расправиться с сотнями, если не тысячами, людей. Но сегодня все было иначе. Они были не на задании или какой-то новой миссии. Они получали удовольствие и это меняло абсолютно все.

«Постарайся узнать ее лучше, – советовала ему Майя. – Постарайся казаться интересным».

– Что ж, как дела на работе? – спросил он. Внутри Рид практически застонал, понимая, как жалко звучит эта попытка.

– Ты должен знать, что я не могу обсуждать это, – слегка улыбнулась Мария в ответ.

– Точно, – кивнул он. – Естественно.

Мария была действующим агентом ЦРУ. Продолжай он свою деятельность в Управлении, ей все равно не следовало бы делиться с ним тонкостями операции, если только он не работал с ней в паре.

– А как у тебя дела? – поинтересовалась она. – Как тебе новая работа?

– Неплохо, – признался он. – Я – приглашенный профессор, поэтому пока работаю на полставки, всего несколько лекций в неделю. Разбираюсь и все такое. Не сказать, что сильно интересно.

– А девочки? Как дела у них?

– Э... Справляются, – ответил Рид. – Сара отказывается говорить о случившемся, а Майя прямо... – он замолчал, не успев ляпнуть лишнего. Лоусон доверял Марии, но в то же время не хотел сообщать ей, что Майя очень точно описала то, чем он занимался, догадавшись до этого сама. Его щеки покраснели. – Постоянно дразнила меня по поводу того, что я якобы иду на свидание.

– А разве это не оно? – в упор спросила Мария.

– Да, думаю, так и есть, – Рид снова ощутил, как загорелось лицо.

Йоханссон ухмыльнулась. Казалось, она наслаждалась его неловкостью. В работе, будучи Кентом Стилом, он неоднократно проявлял уверенность, проницательность и собранность. Но сейчас, в реальном мире, он чувствовал себя также скованно, как и любой другой парень, прошедший пару лет без девушки.

– А сам ты как? – уточнила она. – Держишься?

– Я в полном порядке. Все хорошо, – он пожалел о сказанном сразу, как только произнес это. Неужели дочь не объясняла ему буквально сегодня вечером, что лучшей тактикой будет искренность? – Я соврал, – тут же добавил он. – Думаю, я не совсем справляюсь. Стараюсь постоянно занимать себя всякой чепухой и нахожу различные оправдания, лишь бы не оставаться наедине с собственными мыслями. Потому что в данном случае я начинаю вспоминать их имена. Я вижу их лица, Мария. И постоянно думаю о том, что не сделал все возможное, чтобы остановить это.

Она прекрасно понимала, о чем он говорил. О девяти жертвах, погибших во время единственного успешного взрыва, произведенного Амоном в Давосе. Мария наклонилась над столом и взяла его за руку. От ее прикосновения Рида словно ударило током, но все же он немного успокоился. Ее пальцы были теплыми и мягкими по сравнению с его.

– Это реальность, с которой нам приходится сталкиваться, – произнесла она. – Мы не можем спасти всех. Я в курсе, что ты так и не вернул все воспоминания Зеро, но ты поймешь это, когда вспомнишь.

– Может я и не хочу понимать это, – тихо ответил он.

– Знаю. Мы все это чувствуем. Но если ты будешь думать, что способен защитить целый мир от всего, то очень скоро сойдешь с ума. Они забрали девять жизней, Кент. Это уже произошло и время нельзя повернуть вспять. Но могли быть и сотни. Даже тысячи. И именно так ты должен видеть это.

– А что, если у меня не получается?

– Тогда... Найди себе какое-нибудь хобби. Я, к примеру, занимаюсь вязанием.

– Ты вяжешь? – рассмеялся он. Было сложно представить Марию за столь кропотливым и бессмысленным занятием. Использование вязальных спиц в качестве оружия против преступников? Точно. Но неужели и правда вязание?

– Да, я вяжу, – гордо подняла она подбородок. – И в этом нет ничего смешного. Недавно я закончила покрывало, которое получилось мягким, как пух. Вряд ли ты пробовал нечто подобное. Мое предложение – найди себе занятие. Тебе необходимо что-то, что займет не только твои руки, но и голову. Что с памятью, кстати? Есть улучшения?

– Не особо, – вздохнул он. – Честно говоря, у меня было не так уж много времени заниматься этим. Все до сих пор перемешано, – Рид отложил меню в сторону и сжал кулаки. – Хотя, раз уж ты заговорила об этом... Буквально сегодня произошло нечто странное. В памяти вспыхнул фрагмент какой-то ситуации. Это было связано с Кейт.

– Ох, – Мария прикусила нижнюю губу.

– Да, – он надолго замолчал. – Между мной и Кейт... До того, как она ушла... У нас ведь все было в порядке, да?

Йоханссон заглянула ему прямо в глаза, сверля серо-стальным взглядом.

– Да. Насколько я знаю, у вас никогда не было проблем. Она по-настоящему любила тебя, а ты ее.

– Да, конечно, – Риду вдруг стало тяжело смотреть ей в глаза. Он мысленно посмеялся сам над собой. – Боже, что происходит. Я говорю о своей покойной жене прямо на свидании. Пожалуйста, не рассказывай об этом моей дочери.

– Эй, – она снова дотронулась до его руки. – Все хорошо, Кент. Я понимаю. Для тебя это что-то новое и все кажется странным и непривычным. Я тоже не лучший эксперт, но... Давай разберемся в этом вместе.

Она положила свою руку на его. Лоусон почувствовал тепло. Точнее, даже не тепло. Появилось ощущение, что так будет правильно. Он нервно рассмеялся, но улыбка быстро сменилась хмурым взглядом, как только до него дошла странная вещь. Мария все продолжала называть его Кентом.

– Что не так? – спросила она.

– Ничего. Просто задумался... Я даже не знаю, действительно ли тебя зовут Марией Йоханссон?

– Возможно, – застенчиво пожала она плечами.

– Это несправедливо, – возмутился он. – Ты же знаешь мое имя.

– Я ведь не сказала, что это *не* оно, – Марию явно забавляла эта ситуация и она продолжала играть с ним. – Ты всегда можешь называть меня Агентом Мэриголд, если тебе так больше нравится.

Рид рассмеялся. «Мэриголд» было ее кодовым именем, как и «Зеро» для него. Лично ему казалось глупым использовать эти имена, когда они знали друг друга лично, но с другой стороны, имя Агента Зеро, по всей видимости, вселяло страх во многих, во всяком случае, практически во всех, с кем он успел встретиться.

– А какое имя было присвоено Риджеру? – тихо спросил Рид. Он почти физически ощутил боль. Алан Риджер был лучшим другом Кента Стила.

«Нет, – подумал Лоусон. – *Он был моим лучшим другом*».

Он был человеком, знавшим толк в преданности. Единственная проблема заключалась в том, что Рид едва помнил этого человека. Все воспоминания о Риджере пропали ровно в тот момент, когда из его головы вытащили имплантат, который Алан и помог ему установить.

– Ты не помнишь? – Мария улыбнулась собственным мыслям. – Именно Алан и дал тебе имя «Зеро», ты знал об этом? А ты дал ему его. Боже, я много лет не вспоминала ту ночь. Кажется, мы были в Абу-Даби и отмечали успешное окончание операции в каком-то роскошном ресторане. Он назвал тебя «Великим Зеро», поскольку ты, подобно взрыву бомбы, оставлял за собой полнейший хаос. Затем прозвище сократилось до «Зеро» и так и прицепилось к тебе. А ты назвал его...

Внезапно раздался звонок, прервав ее рассказ. Рид инстинктивно взглянул на дисплей своей мобильного, лежавшего на столе, ожидая увидеть номер Майи или же домашнего телефона.

– Расслабься, – произнесла она. – Это мой. Просто не стану отвечать... – она взглянула на дисплей, озадаченно приподняв бровь. – Хотя, это с работы. Секунду, – Мария подняла трубку. – Да? Хм... – она перевела мрачный взгляд на Рида и продолжила смотреть на него, хмуясь все больше. Что бы ей ни говорили на том конце провода, информация явно была не радужной. – Я поняла. Хорошо. Спасибо, – на этом Йоханссон повесила трубку.

– Выглядишь напряженной, – заметил он. – Знаю, знаю, ты не можешь говорить о работе...

– Он сбежал, – пробормотала она. – Киллер из Съона, которого держали в больнице. Кент, он выбрался, меньше часа назад.

– Раис? – изумленно произнес Рид. У него на лбу тут же выступил холодный пот. – Но как?

– Детали пока неизвестны, – быстро ответила она, убирая свой мобильный в сумочку. – Извини, Кент, но мне надо бежать.

– Да, – пробормотал он. – Понимаю, – честно говоря, сейчас он мысленно находился в сотнях километров от их уютного столика в этом маленьком ресторанчике. Киллер, которого Рид оставил умирать, даже не один раз, а дважды, выжил, и теперь он был на свободе.

Мария встала и, прежде чем уйти, наклонилась и прижалась губами к нему.

– Мы обязательно повторим, обещаю тебе. Но сейчас – работа зовет.

– Конечно, – ответил он. – Найди его. И, Мария, будь осторожна. Он очень опасен.

– Собственно, как и я, – она подмигнула ему и поспешила к выходу.

Рид еще долго оставался на своем месте. Он даже не слышал, как подошла официантка и что-то спросила его. Он лишь махнул рукой, демонстрируя, что с ним все в порядке, и он не хочет, чтобы его трогали. На самом же деле все было далеко не в порядке. Он даже не ощутил ни малейшего приступа ностальгии, когда Мария поцеловала его. Все, что он мог чувствовать прямо сейчас – это растущий ком страха где-то в глубине души.

Человек, который считал, что убийство Кента Стила предначертано ему судьбой, сбежал.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Несмотря на поздний час, Адриан Шеваль еще даже не ложился. Сидя на табуретке на кухне и уставившись немигающими, сонными глазами на экран ноутбука, он неистово стучал по клавиатуре.

Замерев, он услышал, как по застланном ковровом ступенькам с верхнего этажа спускается Клодетт. Их квартирка в Марселе была маленькой, но вполне уютной, и располагалась в дальнем конце тихой улочки в пяти минутах ходьбы от моря.

Уже через мгновение ее худенькая фигурка и ярко-рыжие волосы появились в поле его зрения. Положив руки ему на плечи, она принялась массажировать их, уткнувшись головой в затылок.

– *Дорогой*, – промурлыкала она по-французски. – Любимый, я не могу уснуть.

– Я тоже, – мягко ответил он на родном языке. – Слишком много работы.

– Поделись, – она нежно укусила его за мочку уха.

Адриан указал на экран, на который была выведена циклическая двухцепочечная РНК-структура вируса *variola major*, больше известного, как обыкновенная оспа.

– Образец из Сибири... Это невероятно. Я никогда еще не видел ничего подобного. По моим расчетам, сила этой бактерии просто ошеломляющая. Единственное, что, по моему мнению, могло помешать этому вирусу искоренить весь человеческий род еще тысячи лет назад – это ледниковый период.

– Очередной Всемирный потоп, – тихо вздохнула Клодетт прямо ему в ухо. – И сколько времени тебе нужно?

– Я должен проследить за мутацией штамма, стараясь сохранить при этом вариоляцию и стабильность, – пояснил он. – Это не просто, но необходимо. ВОЗ получила аналогичные образцы еще пять месяцев назад. Нет сомнений, что вакцина разрабатывается, если вообще еще не готова. Наш штамм, по всей видимости, довольно уникален, раз их вакцина не работает.

Данный процесс был известен как летальная мутация, когда манипуляция структурой вируса, полученного им в Сибири, увеличивала стабильность последнего и сокращала инкубационный период. По подсчетам Адриана, уровень смертности от мутировавшего вируса *variola major* может достигать семидесяти-восемидесяти процентов, то есть почти в три раза выше, чем у естественной оспы, которую Всемирная организация здравоохранения ликвидировала еще в 1980 году.

Вернувшись из Сибири, Адриан первым делом направился в Стокгольм, воспользовавшись удостоверением личности покойного студента Рено для доступа к объектам института, где мог бы разместить образцы, будучи уверенным, что те останутся неактивны, пока он работает. Но проблема заключалась в том, что он больше не мог пользоваться чужим именем, поэтому Адриан просто украл все необходимое оборудование и вернулся в Марсель. Он спроектировал настоящую лабораторию в заброшенном подвале ателье, находящемся в трех кварталах от их дома. Старик портной добродушно полагал, что Адриан являлся генетиком и всего лишь исследует человеческую ДНК, поэтому сильно не переживал. Тем не менее, каждый раз, покидая подвал, Шеваль запирает дверь на замок.

– Имам Халиль будет доволен, – прошептала Клодетт.

– Да, – тихо согласился Адриан. – Он будет рад.

Большинству женщин вряд ли понравилось, если бы их мужчины работали с опасным летучим веществом, вроде высоковирулентного штамма натуральной оспы, но Клодетт была не из их числа. Она была миниатюрной девушкой с ростом в метр шестьдесят пять против метра восьмидесяти Адриана. Ярко-рыжие волосы, вкупе с зелеными глазами цвета густых джунглей, наводили на мысль о присущей ей раздражительности.

Они познакомились лишь год назад, когда Адриан оказался на самом дне. Его как раз исключили из Стокгольмского университета за попытку недобросовестным путем получить образцы редкого энтеровируса. Того самого, который всего за несколько недель до этого унес жизнь его матери. Тогда Адриан был полон решимости, точнее одержим идеей разработать вакцину, чтобы никто в мире больше не испытал таких страданий, как она. Но его поймали с поличным и отчислили.

Клодетт наткнулась на него в переулке, когда он, полностью разбитый, валялся в луже собственной рвоты, находясь в полубессознательном состоянии от количества спиртного в крови. Она подобрала его, привела домой, отмыла и напоила водой. Следующим утром Шеваль проснулся и увидел красивую девушку, сидевшую на его кровати. «Я точно знаю, что тебе нужно», – сказала она тогда, улыбнувшись ему.

Не вставая со стула, он повернулся к ней лицом и провел рукой вверх и вниз по ее спине. Даже в сидячем положении он практически был с ней одного роста.

– Интересно, почему ты вдруг вспомнила Всемирный потоп, – произнес он. – Знаешь, есть ученые, которые утверждают, что если Всемирный потоп действительно имел место быть, то это произошло примерно от семи до восьми тысяч лет назад... Примерно в ту же эпоху, когда появился этот штамм. Вполне вероятно, что Потоп был лишь метафорой, и именно данный вирус избавил мир от нечестивых...

– Твои вечные попытки связать науку и духовный мир на меня не работают, – рассмеялась Клодетт. Она нежно взяла его за лицо и поцеловала в лоб. – Но ты все равно никак не поймешь, что иногда тебе не хватает немного веры.

«*Вера – это все, что тебе нужно*». Именно так она и сказала в то утро, когда он проснулся с утра после бурной ночи. Она подобрала его и позволила остаться в своей квартире, той самой, где они сейчас и находились. До встречи с Клодетт Адриан не верил в любовь с первого взгляда, но она полностью изменила его мировоззрение. Через несколько месяцев она познакомила его с идеями Имама Халиля, исламского праведника из Сирии. Халиль не относил себя ни к суннитам, ни к шиитам, лишь говорил, что просто предан Всевышнему. И верен до такой степени, что позволял своей небольшой группе последователей называть Его, как им угодно, поскольку верил, что взаимоотношения каждого отдельного человека с Создателем являются сугубо личными. Сам Халиль называл своего Бога Аллахом.

– Я хочу, чтобы ты лег спать, – сказала Клодетт, поглаживая щеку Адриана тыльной стороной своей ладони. – Тебе нужно отдохнуть. Но первым делом... Ты подготовил образец?

– Образец, – кивнул Шеваль. – Да, подготовил.

У него была лишь одна крошечная пробирка действующего вируса размером едва ли больше ногтя, герметично упакованная за стеклом, накрытым двумя слоями пенопласта, внутри специального бокса из нержавеющей стали со специальными символами биологической опасности. Сам бокс открыто стоял на столешнице.

– Отлично, – снова промурлыкала Клодетт. – Ведь мы ожидаем гостей.

– Сегодня? – Адриан убрал руки с ее поясницы. Он даже и не подозревал, что все произойдет так быстро. – В такое время? – было практически два часа ночи.

– В любой момент, – ответила она. – Мы дали обещание, любовь моя, и мы должны сдержать его.

– Да, – пробормотал Адриан. Она была права, как, впрочем, и всегда. Клятвы нельзя нарушать. – Конечно.

Резкий, громкий стук в дверь заставил подскочить обоих.

Клодетт быстро подошла к двери, приоткрыв ее всего на пару сантиметров и не снимая цепи. Адриан прошел за ней, выглядывая из-за спины, и увидел двух мужчин. Вряд ли можно было сказать, что гости пришли с миром. Он не знал их имен и называл просто «арабами», хотя, насколько ему было известно, парни могли оказаться курдами или даже туркменами.

Один из них быстро заговорил с Клодетт по-арабски. Адриан ничего не понимал. Его арабский можно было назвать лишь поверхностным. Он знал всего пару фраз, которым научила его Клодетт. Девушка кивнула, сняла цепочку и запустила гостей внутрь.

Мужчинам было не больше тридцати и оба имели стильные, короткие бородки, красиво выделявшиеся на загорелой коже. Они были одеты вполне современно: джинсы, футболки и легкие ветровки, которые вполне подходили под весенние прохладные вечера. Имам Халиль не придирался к своим последователям по поводу внешнего вида. Если уж точнее, то с момента их переезда из Сирии, он предпочитал, чтобы все они легко смешивались с толпой. Для Адриана причина была вполне очевидна, ведь он прекрасно знал, зачем прибыли его гости.

– Шеваль, – один из сирийцев почтительно кивнул Адриану. – Вперед? Расскажите нам все, – он говорил на достаточно ломанном французском.

– Вперед? – запутавшись, повторил Адриан.

– Он имеет в виду, насколько ты продвинулся, – мягко пояснила Клодетт.

– Его французский просто ужасен, – усмехнулся Адриан.

– Как и твой арабский, – парировала Клодетт.

«Справедливо», – подумал про себя Шеваль.

– Объясни ему, что для этого нужно время. Необходимо достаточно дотошно и терпеливо изучать структуру. Но пока все идет по плану.

Клодетт повторила сказанное по-арабски и гости понимающе кивнули.

– Маленький образец? – поинтересовался второй мужчина. Казалось, они пытались практиковать свой французский на нем.

– Они пришли за ним, – пояснила Клодетт Адриану, хоть он итак догадался по их лицам. – Достанешь? – было ясно, что девушка не хочет дотрагиваться до вируса, вне зависимости от того, запечатан тот в бокс или нет.

– Спроси их, почему Халиль не пришел сам, – кивнул Адриан, не сдвинувшись с места.

– Дорогой, – тихо сказала Клодетт, слегка прикусив губу и коснувшись его руки. – Думаю, он занят более насущными проблемами...

– Что может быть более важно, чем это? – настойчиво спросил Адриан. Он планировал встретиться с Имамом лично.

Клодетт перевела его вопрос на арабский. Сирийцы нахмурились и переглянулись, прежде чем ответить.

По их словам сегодня он навещает немощных, – перевела она Адриану на французский. – Молится, чтобы те смогли освободиться от физических недугов.

Адриан тут же мысленно переместился в период за несколько дней до смерти его матери, когда та постоянно лежала в одной позе с открытыми глазами, но никак не реагировала на происходящее. От лекарств она была почти без сознания, но без них сильно мучилась от боли. Ситуация выходила двоякой, поскольку сами медикаменты практически вгоняли ее в состояние комы. Последние несколько недель она понятия не имела, что происходило вокруг. Шеваль часто молился о ее выздоровлении прямо у постели. Но уже перед самой смертью мамы он вдруг понял, что просит Бога о другом – о быстрой и безболезненной кончине.

– Что он будет с ним делать? – поинтересовался Адриан. – В смысле с образцом.

– Убедится, что твои опыты работают, – просто ответила Клодетт. – Тебе прекрасно это известно.

– Да, но... – Адриан замолчал. Он понимал, что не имеет права ставить под сомнение намерения Имама, но вдруг почувствовал, что не может промолчать. – Неужели он будет лично проверять все? Где-то удаленно? Очень важно не светиться на данном этапе. Оставшаяся часть партии пока не готова...

Клодетт что-то быстро сказала сирийцам, а затем взяла Адриана за руку и вывела его на кухню.

– Любимый, – тихо произнесла она. – Ты явно сомневаешься. Поделись со мной.

– Да, – вздохнув, согласился Шеваль. – Это всего лишь крошечная частица. Она не так стабильна, как остальные образцы. Что, если она поведет себя непредсказуемо?

– Все будет хорошо, – Клодетт обняла его. – Я полностью доверяю тебе, как и Имам Халиль. Тебе даровали эту возможность. Ты избранный, Адриан.

«Ты избранный».

Так же сказал и Халиль, когда они впервые встретились. Три месяца назад Шеваль со своей возлюбленной ездили в Грецию. Халиль, как и большинство сирийцев, был беженцем, но не политическим и не из тех, кто решил покинуть истерзанную войной землю. Он был религиозным беженцем, преследуемым и суннитами, и шиитами за свои идеалистические наклонности. То, во что верил Халиль, представляло собой смесь исламских законов с некоторыми эзотерическими философиями Друзов, включая правдивость и переселение душ.

Адриан встретился с проповедником в одном из отелей Афин. Имам Халиль, одетый в коричневый костюм, с темными волосами и аккуратной бородкой, показался ему интеллигентным человеком с приятной улыбкой. Молодой француз немного удивился, когда на первой же встрече Имам предложил ему помолиться вместе. Тогда они уселись на ковер лицом к Мекке и принялись молиться про себя. Аура вокруг Имама передавала такое спокойствие, которое Шевалю не приходилось испытывать с тех самых пор, как он, будучи еще малышом, сидел на коленях у тогда еще здоровой матери.

После молитвы они раскурили кальян и заварили себе чай, а Халиль принялся рассказывать о собственной идеологии. Они обсуждали важность того, чтобы быть верным своим принципам. Имам верил, что единственный способ избавить человечество от грехов – это быть честным, что в дальнейшем лишь поможет душе перевоплотиться в нечто более чистое. Он задавал Адриану множество разных вопросов, как о науке, так и о духовности. Он спрашивал о его матери и заверял, что она в любом случае родилась заново: чистой, красивой и снова здоровой. Молодого француза это утешало.

Затем Халиль рассказал ему об Имаме Махди – Спасителе и последнем праведнике. Махди должен был стать последним имамом, за которым последует Судный день и мир избавится от зла. Халиль верил, что все это произойдет очень скоро и после искупления Махди наступит утопия, в результате которой каждое существо во Вселенной станет безупречным, искренним и незапятнанным грехами.

Мужчины просидели за разговором несколько часов до поздней ночи. И когда в голове Адриана воцарил туман, не менее густой, чем тот, в котором они находились засчет кальяна, он, наконец, решил задать вопрос, крутившийся у него в голове.

– Это Вы, Халиль? – спросил он праведника. – Вы и есть Махди?

Имам Халиль лишь широко улыбнулся. Он взял руку Адриана в свою и тихо произнес:

– Нет, сын мой. Это ты. Ты избранный. Я вижу это так же четко, как и твое лицо.

«Я избранный».

Адриан прижался губами ко лбу Клодетт, стоя на кухне их марсельской квартиры. Она была права. Они дали обещание Халилю и были обязаны сдержать его. Он поднял стальной бокс с символом биологической опасности со столешницы и отнес его ожидающим арабам. Сняв крышку, он приподнял верхний пенопластовый слой и продемонстрировал им крошечную, герметично упакованную пробирку, спрятанную в самом низу.

Казалось, внутри не было ничего, кроме пустоты. Хотя именно она и было частью самого опасного вещества во всем мире.

– Милая, – произнес он, снова накрывая стекло пенопластом и плотно закрывая крышку бокса. – Я хочу, чтобы ты объяснила им, что ни при каких обстоятельствах они не должны трогать данную пробирку. С ней нужно обращаться очень аккуратно.

Клодетт перевела его слова на арабский. Сириец, взявший бокс в руки, вдруг явно растерялся. Его спутник благодарно кивнул Адриану и пробормотал что-то на своем языке. Эту фразу Шеваль понял.

– Да прибудет с тобой Аллах. Мир вам.

Сказав это, оба гостя покинули их квартиру.

Как только они вышли, Клодетт закрыла дверь на замок и надела цепочку. Улыбаясь, она повернулась к своему возлюбленному с мечтательным выражением лица.

Но сам Адриан застыл на месте с хмурым видом.

– Что такое, любовь моя? – осторожно поинтересовалась она.

– Что я наделал? – пробормотал он. Но молодой француз итак прекрасно знал ответ. Он передал смертельный вирус в руки не Имама Халиля, а двух незнакомцев. – Что, если они не передадут его? Что, если они уронят бокс, или откроют его, или...

– Любовь моя, – Клодетт обняла Шеваль за талию и прижалась лицом к его груди. – Они последователи Имама. Они проявят максимальную осторожность и доставят груз туда, где он и должен находиться. Прояви хоть немного доверия. Ты уже сделал первый шаг к изменению этого мира в лучшую сторону. Ты – Махди. Не забывай об этом.

– Да, – тихо ответил он. – Конечно. Ты, как всегда, права. И я должен дойти до конца, – Адриан понимал, что если мутация не сработает, как надо, или же он не доработает партию, то упадет в глазах не только Халиля, но и самой Клодетт. Без нее он никто. Она нужна ему, как воздух, еда и солнечный свет.

Несмотря на это, его все же не покидал вопрос, что произойдет с образцом. Будет ли Имам Халиль тестировать его лично, удаленно или на публике?

Хотя, ответ он узнает довольно скоро.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

– Пап, тебе не нужно провожать меня до двери каждый раз, – резко сказала Майя, когда они пересекали университетский дворик по направлению к Хилли-Холлу в кампусе Джорджтауна.

– Я в курсе, – ответил Рид. – Но мне так *хочется*. Неужели ты стесняешься, что тебя могут заметить с отцом?

– Дело не в этом, – пробормотала Майя.

Поездка вышла даже чересчур спокойной. Дочь задумчиво смотрела в окно, а Лоусон все пытался придумать, о чем поболтать, но так и не нашел тему для разговора.

Майя пока лишь заканчивала девятый класс, но уже сдала экзамены по профильным предметам и стала посещать некоторые факультативы в Университете Джорджтауна. Это был отличный прыжок в сторону поступления в колледж, который определенно давал ей некие преимущества, особенно, если в результате она остановит свой выбор именно на Джорджтауне. Рид же настоял на том, чтобы не просто подвезти Майю к зданию колледжа, но и проводить ее непосредственно до аудитории.

Накануне вечером, когда Марии пришлось прервать их свидание, Лоусон поспешил домой к девочкам. Он был настолько встревожен новостью о побеге Раиса, что не мог остановить дрожь в руках, пока вел машину, хоть и старался сохранять спокойствие и мыслить логически. ЦРУ уже подключилось к его поискам, как, скорее всего, и Интерпол. Ему был известен протокол. Каждый аэропорт будет максимально тщательно досматривать подозрительных пассажиров, а на главных дорогах Съона установят контрольно-пропускные пункты. У Раиса, к его глубочайшему сожалению, больше не было союзников, к которым бы он мог обратиться за помощью.

Более того, киллера держали в Швейцарии, на расстоянии более четырех тысяч километров. Пол континента и целый океан отделяли его от Кента Стила.

Но даже с учетом этого, Рид прекрасно понимал, что будет чувствовать себя гораздо лучше, когда узнает, что Раиса снова задержали. Он не сомневался в способностях Марии, но очень надеялся, что ему представится возможность попросить ее держать его в курсе событий.

– Ладно, увидимся после занятий? – спросил Рид, остановившись с Майей у входа в Хилли-Холл.

– Ты не пойдешь провожать меня? – с подозрением спросила она.

– Не сегодня, – он кажется прекрасно понял, почему дочь с самого утра была такой тихой. Еще вчера вечером он предоставил ей каплю независимости, но уже сегодня вновь вернулся к своему обычному состоянию. Ему постоянно приходилось напоминать себе, что Майя уже далеко не маленький ребенок. – Послушай, я прекрасно понимаю, что в последнее время слегка чрезмерно тебя опекаю...

– Слегка? – усмехнулась Майя.

– ... И я прошу прощения за это. Ты способная, находчивая и достаточно умная молодая девушка. И всего лишь хочешь немного независимости. Я вижу это. Моя чрезмерная защита – это моя проблема, а не твоя. Ты никак не провинилась, поверь.

– Ты только что сказал мне: «Это не твоя вина, а моя»? – Майя попыталась скрыть ухмылку.

– Да, поскольку это чистая правда, – кивнул он. – Я бы не смог простить себя, случись с тобой что-либо, когда меня не было рядом.

– Но ты не всегда сможешь быть рядом, – ответила она. – Вне зависимости от того, как сильно будешь желать этого. Мне пора учиться самостоятельно решать проблемы.

– Ты права. Я постараюсь заставить себя немного отступить.

– Обещаешь? – приподняла она бровь.

– Обещаю.

– Хорошо, – Майя встала на цыпочки и поцеловала его в щеку. – Увидимся после занятий, – она уже направилась к двери, но вдруг остановилась. – Знаешь, может мне стоит походить на занятия в тире. Так, на всякий случай...

– Не начинай, – строго покачал он пальцем в ответ.

Дочь улыбнулась и исчезла в коридоре. Рид еще какое-то время слонялся возле входа. Боже, девочки так быстро росли. Всего через два года Майя станет совершеннолетней. Вот-вот начнутся машины, учеба в колледже и... рано или поздно у нее появятся парни. Слава Богу, пока этого еще не произошло.

По пути в Копли-Холл он отвлекся от этих мыслей, переведя внимание на прекрасную архитектуру кампуса. Лоусон сомневался, что когда-нибудь сможет устать от прогулок по территории Университета, где расположилось множество величественных зданий восемнадцатого и девятнадцатого веков в фламандско-романском стиле, процветавшем в Европе еще во времена Средневековья. Также этому способствовала теплая мартовская погода в Вирджинии, ведь уже наступал переломный момент и температура воздуха прогревалась до десяти, а временами и пятнадцати градусов.

Его работа в качестве приглашенного профессора, как правило, сводилась к обучению небольших групп, от двадцати пяти до тридцати учеников, так или иначе специализировавшихся на истории. Он много внимания уделял военному делу и зачастую подменял профессора Хильдебрандта, который писал книгу и много путешествовал из-за этого, несмотря на то, что являлся штатным сотрудником.

«А может он также является тайным агентом ЦРУ», – прикинул Рид.

– Доброе утро, – громко сказал Лоусон, заходя в аудиторию. Большинство студентов уже расселось по местам, поэтому он спешно подошел к своему столу, положил сумку и снял твидовый пиджак. – Я слегка задержался, поэтому давайте перейдем сразу к делу, – появиться снова в классе было приятно. Это была частичка настоящего Рида, по крайней мере, одной из них. – Уверен, кто-нибудь из вас сможет ответить на мой вопрос. Какое событие в европейской истории было самым разрушительным по количеству погибших?

– Вторая мировая война, – тут же выкрикнул кто-то из студентов.

– Естественно, она была одной из самых жестоких, – ответил Рид. – Но России досталось намного хуже, нежели Европе, если сравнивать количество. Еще варианты?

– Монгольское нашествие, – произнесла брюнетка с хвостиком.

– Тоже неплохой ответ, но вы, ребята, почему-то думаете лишь о вооруженных конфликтах. То, о чем я говорю, скорее относится к биологическому фактору, нежели антропогенному.

– «Черная смерть», – пробормотал светлый парнишка в первом ряду.

– Да, верно, мистер...?

– Райт, – ответил студент.

– Мистер Райт? Уверен, вы часто используете свою фамилию в качестве дополнительного преимущества, – усмехнулся Рид.

Парень смущенно улыбнулся и покачал головой.

– Да, мистер Райт оказался прав. Речь идет о «черной смерти». Эпидемия бубонной чумы началась в Центральной Азии, прошла по Шелковому пути, а затем, благодаря крысам, попала в Европу на торговых судах, унеся с собой жизни от семидесяти пяти до двухста миллионов человек, – он сделал паузу, чтобы подчеркнуть свою точку зрения. – Милая разница, как считаете? Как эти цифры могут быть настолько разрознены?

– Потому что семьсот лет назад не было переписи населения? – предположила блондинка из третьего ряда, слегка приподняв руку.

– Что ж, конечно, не было, – усмехнулся Рид с несколькими другими студентами. – Но причина скорее в том, насколько быстро распространялась эта самая чума. Я имею в виду, что мы сейчас обсуждаем всего лишь двухлетний период, за который с лица Земли исчезло более трети населения Европы. Все равно, что взять и отрезать от США все Восточное побережье вместе с Калифорнией, – он прислонился к своему столу, скрестив руки. – Знаю, о чем вы думаете: «Профессор Лоусон, разве вы не тот, кто с порога начинает говорить о войне?». Да, именно к этому я и веду.

– Один из вас упомянул Монгольское нашествие. Некоторое время Чингисхан владел крупнейшей в истории смешанной империей, а его войска шли на Восточную Европу прямо в годы поражения Азии чумой. Он официально признан одним из первых лиц, использовавших то, что сейчас мы называем биологической войной. Если город не сдавался, его армия просто катапультировала зараженные чумой трупы прямо через стены, после чего... Оставалось лишь немного подождать.

– Это невозможно, – поморщившись от отвращения, заявил мистер Райт, белокурый паренек с первого ряда.

– Но это факт, уверяю вас. Возьмем осаду Кафы, которая сегодня расположена на территории Крыма, в 1346 году. Мы привыкли считать, что биологическое оружие – это нечто новое, но это не так. Еще до того, как у человечества появились танки, беспилотники, ракеты и даже пистолеты в современном понимании, мы, ох... они...

«Зачем тебе это, Рид?» – обвинительно восклицает она. Она не просто злится, она еще и напугана.

При упоминании слова «пистолеты» в его памяти вдруг снова вспыхнуло воспоминание, то, которое он уже видел ранее, только на этот раз гораздо более четкое. Кухня их бывшего дома в Вирджинии. Кейт что-то нашла, пока очищала от пыли один из воздуховодов кондиционера.

Пистолет на столе. Маленький, серебристый 9-миллиметровый LC9. Кейт указывает на него, словно это какой-то проклятый предмет.

«Зачем тебе это, Рид?»

«Это... лишь для защиты», – врет он в ответ.

«Защиты? Ты вообще в курсе, как им пользоваться? Что, если кто-нибудь из девочек наткнется?»

«Они не...»

«Ты знаешь, насколько любопытной бывает Майя. Господи, я даже не хочу знать, где ты взял его. Я не хочу, чтобы эта вещь находилась в нашем доме. Прошу тебя, избавься от него».

«Конечно. Прости меня, Кэтти».

Кэтти. Так ты называл ее, когда она злилась.

Ты осторожно поднимаешь пистолет со стола, словно и правда понятия не имеешь, как с ним обращаться.

После того, как супруга уходит на работу, ты собираешь остальные одиннадцать стволов, спрятанных по всему дому. Стоит найти для них иное местечко.

– Профессор? – позвал его Райт, с беспокойством глядя на Рида. – С вами все в порядке?

– Уф... Да, – Лоусон выпрямился и прочистил горло. Пальцы неистово болели, поскольку он изо всех сил сжал край стола, когда в голове внезапно вспыхнуло видение. – Да, прошу прощения.

Сомнений больше не было. Он наверняка потерял некоторые воспоминания о Кейт.

– Ох... Прошу прощения, ребята, но мне что-то стало не по себе, – обратился он к аудитории. – Как-то неожиданно нахлынуло. Давайте остановимся на сегодня. Я дам вам материал для изучения и продолжим в понедельник.

Когда он принялся листать страницы, его руки задрожали. Студенты принялись покидать аудиторию, а на его лбу проявился пот. Брюнетка из третьего ряда притормозила у его стола.

– Вы выглядите не очень хорошо, профессор Лоусон. Может стоит кому-нибудь позвонить?

В передней части головы медленно зарождалась очередная мигрень, но Рид смог улыбнуться, надеясь, что получилось более-менее искренне.

– Нет, спасибо. Все будет хорошо. Мне просто стоит присесть.

– Ладно. Выздоровливайте, профессор, – девушка тоже покинула класс.

Оставшись наедине с самим собой, Рид поковырялся в ящичке стола, достал аспирин и запил его водой из бутылки, болтавшейся в сумке.

Усевшись в кресло, он принялся ожидать, пока пульс придет в норму. Память не только оказала на него психическое и эмоциональное воздействие. Физический эффект так же был вполне реален. Одна только мысль о том, что он может потерять какие-то воспоминания о Кейт, учитывая, что ее в принципе больше не было в его жизни, вызывала тошноту.

Через пару минут его состояние стало улучшаться, но мысли даже не собирались уходить из головы. Оправдываться больше было нельзя, настала пора принимать решение. Ему стоит определиться, чем он собирается заниматься. В папке, лежавшей в его домашнем кабинете, находилось письмо с адресом, куда он мог обратиться за помощью: к швейцарскому врачу по имени Гайер, нейрохирургу, который и установил ему подавитель памяти. Если кто-то и мог помочь восстановить ее, то это был определенно он. Весь последний месяц Рид постоянно колебался, пытаясь решить, хочет ли он полностью восстановить свою память или нет.

Но на этот раз он понял, что пропали воспоминания о жене. Кто знает, что еще он умудрился стереть навсегда при помощи подавителя?

Теперь Рид был полностью готов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

– Взгляни на меня, – произнес Халиль по-арабски. – Прошу тебя.

Он по-отечески взял паренька за плечи и осторожно опустился на колени так, что теперь их глаза были на одном уровне.

– Взгляни на меня, – повторил он. Это было не требование, а скорее просьба.

Омар с трудом мог смотреть Халилю в глаза. Вместо этого он уставился на подбородок собеседника, на аккуратно подстриженную бороду, полностью выбритую в районе горла. Он изучал лацканы его темно-коричневого костюма, который вряд ли был дороже, но уж точно выглядел куда более изящным, нежели любая из вещей самого Омара. От этого мужчины приятно пахло и он говорил с ним на равных, с таким уважением, которое парнишка ранее никогда не испытывал. Из-за этих причин Омар и не мог посмотреть собеседнику прямо в глаза.

– Омар, тебе известно, кто такой мученик? – спросил он. Голос был четким, но не громким. Парень еще никогда не слышал, чтобы Имам кричал.

– Нет, Имам Халиль, – покачал головой Омар.

– Мученик – это герой. Даже больше. Это герой, который целиком и полностью отдается своему делу. Мучеников помнят. Мучеников восхваляют. Тебя, Омар, *тебя* будут чествовать. О тебе будут помнить. Тебя будут превозносить к небесам всегда. А знаешь почему?

Омар лишь слегка кивнул, но не сказал ни слова. Он доверял Иمامу, верил его учению, цеплялся за него, словно за спасательный круг, особенно после бомбежки, которая унесла жизни всей его семьи. Даже после того, как повстанцы изгнали его из Сирии. Тем не менее, он все же сомневался в словах Иمامа Халиля, которыми тот поделился всего несколько дней назад.

– Ты избранный, – повторил Халиль. – Взгляни на меня, Омар, – с большим трудом парень все-таки заглянул в карие глаза Халиля, которые излучали теплоту и дружелюбие, хоть и были слегка резкими. – Ты – Махди, последний Имам. Мессия, который избавит мир от грешников. Искупитель, Омар. Понимаешь меня?

– Да, Имам.

– Ты ведь *веришь* в это, Омар?

Парень был не до конца уверен. Он не чувствовал себя каким-то особенным, или важным, или благословленным Аллахом, но все же кивнул.

– Да, Имам. Я верю в это.

– Аллах говорил со мной, – мягко сказал Халиль. – И он объяснил, что мы должны делать. Ты помнишь, чего от тебя ждут?

Омар снова кивнул. Его миссия была достаточно простой, хоть Халиль и позаботился о том, чтобы мальчик был уверен в том, какой результат это принесет.

– Хорошо, хорошо, – Имам широко улыбнулся. Его идеальные белоснежные зубы блеснули в свете солнечных лучей. – Прежде чем мы приступим, Омар, не мог бы ты сделать небольшое одолжение и помолиться вместе со мной всего минутку?

Халиль протянул руку и Омар взял ее. Она была теплой и гладкой. Имам закрыл глаза и его губы зашевелились в безмолвной молитве.

– Имам? – почти шепотом позвал Омар. – Разве мы не должны повернуться лицом к Мекке?

– Не сегодня, Омар, – Халиль снова широко улыбнулся. – Единственный истинный Бог отправил мне послание. Сегодня мы стоим лицом к *тебе*.

Двое мужчин долго стояли друг напротив друга, тихо молясь. Омар ощутил на своем лице теплый солнечный свет, решив, что все это безмолвное время, пока они говорили с Богом, невидимые пальцы последнего нежно ласкали его по щеке.

Когда они уже стояли в тени маленького белого самолета, Халиль снова опустился на колени. Данная модель с пропеллерами на крыльях могла вместить не более четырех человек. Омар еще никогда раньше не стоял так близко к самолету, не считая единственного перелета на борту из Греции в Испанию.

– Спасибо тебе, – Халиль вытащил свою руку из руки мальчика. – Я должен идти. И ты тоже. Аллах с тобой, Омар. Мир ему и тебе, – мужчина еще раз улыбнулся, развернулся и шагнул по короткому трапу к самолету.

Двигатели запустились с легким скрипом, который быстро перерос в настоящий рев. Как только самолет стал выезжать на взлетно-посадочную полосу, Омар сделал несколько шагов назад. Он наблюдал, как тот набирает скорость, разгоняясь все быстрее и быстрее, пока не оторвался от земли и не исчез из виду.

Оставшись один, Омар поднял взгляд к небу, наслаждаясь ощущением тепла от солнца. День выдался непривычно хорошим для этого времени года. Простояв так какое-то время, он направился в сторону Барселоны, которая располагалась всего в четырех километрах от этого места. Засунув руку в карман, мальчик аккуратно, словно стараясь защитить ее, коснулся пальцами маленькой стеклянной пробирки.

Омар не мог не задуматься, почему же Аллах не обратился к нему напрямую. Почему-то он решил передать свое послание через Имама.

«Поверил бы я ему в ином случае?» – размышлял Омар. – *Или же просто принял все за сон?»*

Имам Халиль был не просто праведником, он были еще и достаточно мудрым. Он мог распознавать знаки, которые им давались. Омар же был молодым, наивным шестнадцатилетним мальчишкой, который мало знал об этом мире, особенно о Западе. Вполне возможно, он просто оказался не в состоянии услышать голос Бога.

Халиль дал ему с собой пачку евро.

– Не торопись, – сказал он в тот момент. – Хорошенько перекуси где-нибудь в центре Барселоны. Ты заслужил это.

Омар не говорил по-испански, а по-английски знал всего пару основных фраз. Более того, он абсолютно не был голоден, а потому решил не торчать в скучном кафе, а найти лавочку с видом на город. Усевшись поудобнее, он попытался понять, почему было выбрано именно данное место.

Имам Халиль просто сказал бы ему: *«Имей веру»*. Омар же решил, что так и поступит.

Слева от него располагался отель «Барсело Равал», странное круглое здание с фиолетово-красной подсветкой, у дверей которого постоянно сновали хорошо одетые люди. Он понятия не имел, как называлось это место. Ему лишь казалось, что оно похоже на маяк, привлекавший богатых грешников, словно пламя мотыльков. Подобная аналогия придавала Омару сил. Он лишь укрепил свою веру, решив, что его следующий шаг будет правильным.

Парень осторожно достал из кармана стеклянную пробирку. Создавалось впечатление, что она была пуста, либо содержала в себе нечто невидимое, подобно воздуху или газу. Но это не имело никакого значения. Главное, Омар прекрасно знал, что делать с этим. Первый шаг был пройден: он добрался до города. Второго этапа он достиг, когда уселся на скамейку в тени «Равала».

Зажав тоненький стеклянный наконечник пробирки двумя пальцами, он быстрым, но легким движением сорвал его.

Крошечный осколок стекла застрял в коже мальчика. Омар наблюдал, как формируется капелька крови, но воспротивился желанию сунуть его в рот. Вместо этого он сделал так, как ему велели – сунул пробирку в ноздрю и глубоко вдохнул.

Как только он сделал это, его с головой накрыло чувство паники. Халиль так и не сообщил ему, чего именно стоит ожидать дальше. Ему просто сказали немного подождать, поэтому

он просто продолжил сидеть на лавочке, стараясь сохранять спокойствие. Парень наблюдал за тем, как растет количество людей, входящих и покидающих отель. Каждый из них щеголял в дорогой одежде. Омар же прекрасно знал как ужасно, по сравнению с ними, выглядел сам. Изношенный свитер, пятнистые щеки, длинные, непослушные волосы. Ему пришлось напомнить себе, что тщеславие – страшный грех.

Омар все продолжал сидеть и ждать, пока что-то произойдет, пока он почувствует, что это сработало, чем бы «это» ни являлось.

Но он ничего не ощущал. Никакой разницы.

Он провел на скамейке целый час, а затем, наконец, встал и неторопливо отправился на северо-запад, подальше от круглого фиолетового отеля, ближе к самому центру города. Спустившись по лестнице, мальчик вышел на первую попавшуюся платформу метро. Он ни слова не знал по-испански, но ему и не надо было понимать, куда он едет.

Омар купил билет на деньги, которые дал ему Халиль, и принялся бесцельно шататься по платформе, пока не прибыл поезд. До сих пор внутри него ничего не происходило. Вероятно, он что-то неправильно сделал. В любом случае, в его плане был еще один этап.

Двери распахнулись и он вошел внутрь, практически соприкасаясь с остальными пассажирами. Вагон метро был достаточно заполнен, а все места заняты, поэтому Омар остался стоять, взявшись за металлический поручень, проходивший над его головой вдоль всего вагона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.